
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ленинград. Зимний дворец. Вид с Дворцовой набережной.

Фото И. Тункеля и Н. Ананьева.

На первой странице обложки: **А. И. Китаев.** Первый декрет Советской власти о мире и земле.

На последней странице обложки: Москва. Демонстрация на Красной площади.

Фото А. Новикова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 45 (1482)

6 НОЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРДЦЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Есть ли на земле место, где бы так часто, день ото дня, можно было увидеть, как встречаются люди из всех частей света, обитатели далеких континентов, сыны и дочери многих стран мира?

Москва. Красная площадь. Древние стены Кремля. Сердце России...

Неумолчным прибоем шумит вокруг многомиллионный город, олицетворяющий великую новь Советской страны... Кипит деловая жизнь столицы, перекликаясь слитным гулом ближних и дальних улиц, центральных районов и соединившихся с Москвою предместий.

На Красной площади тишина.

Не только в ночные часы или перед рассветом — всегда, в любое время суток на пороге площади человека охватывает ощущение величавой, строгой тишины.

Прошлое встречается здесь с настоящим и будущим.

На холме перед Москвой-рекой светится многоцветный, чародейного мастерства храм Василия Блаженного. Его каменные шатровые главы напоминают о старой Руси, о светлом, жизнелюбивом искусстве российских зодчих и каменщиков.

А рядом возвышается Спасская башня с курантами. Их звук радиоволны разносят над земным шаром — голос революционной, социалистической Москвы.

Архитектурный облик Красной площади запечатлен в сознании миллионов людей. Где бы ни увидел человек ее изображение, в Европе или за океаном, в Пекине или в Калькутте, силуэт кремлевских башен подскажет ему: это Москва!

Бесконечно разнообразной живет в нашей памяти Красная площадь.

Мы помним ее в жарких всполохах ружейной пальбы, когда гнев и радость народа приливали к стенам Кремля от застав и рабочих окраин. Ноябрьская ночь 1917 года. Отряды вооруженных рабочих, ведомые коммунистами, штурмуют ворота Кремля, сметая последнее сопротивление врагов революции.

→

Красная площадь в осенний день.

Юные экскурсанты — ученики Токаревской школы Ухтомского района, Московской области.

Площадь осматривают французские туристы, члены футбольной федерации Франции.

Прежде всего туристы берутся за фотоаппараты.

Мы знаем Красную площадь в дни всенародных торжеств. Майское солнце горит над нею или плывут осенние ноябрьские облака — просторы площади озарены светом, половодье красных знамен заполняет ее от края до края, словно румяное утро встает над столицей.

Но памятны нам и свинцовое небо, ранняя стужа, буран — ненастье 1941 года. Весь мир с тревогой следил за исходом грандиозных сражений под Москвой. С часу на час Гитлер готовился ударить в барабаны победы. Но 7 ноября суровая, настороженная, опоясанная баррикадами Москва ответила традиционным парадом на Красной площади. Это был вызов злобным силам фашизма. Ноябрьским парадом сорок первого года Красная площадь возвестила: Москва выстоит, Москва победит!

Можно ли забыть Красную площадь 9 мая 1945 года? Победа! Всем своим многолюдьем Москва хлынула к центру, к стенам Кремля. Окрестные улицы и проезды неожиданно стали узкими, автомобильный поток схлынул, оттесненный ликующим народом. Десятки тысяч москвичей сами установили образцовый порядок в этом стихийно возникшем шествии. Улицами правила прекрасная, светлая, завоеванная великими испытаниями радость народа.

Множество картин нашей жизни, нашей истории встает перед человеком, когда входит он на Красную площадь. Не потому ли в любой час дня и ночи царит здесь овеянная воспоминаниями тишина?

И в обычные дни, в простой повседневности, не прекращается мерный приток людей к стенам Кремля.

Идут с вокзалов путники, проездом, на несколько часов навестившие столицу. Тихоокеанский матрос. Лесоруб из Карелии. Украинский комбайнер, едущий на целинные земли Казахстана. Учительница из уральской деревни, впервые собравшаяся на юг, к теплому морю.

Храня молчание, идет узбек-хлопковод, невозмутимый, степенный, с темным, словно иссушенным зноем лицом. Рядом пожилой генерал, студент под руку с однокурсницей, женщина с маленьким сыном. Группа юношей-китайцев, журналист из Финляндии, польский крестьянин...

Идет народ.

Идут народы.

Кто-то из иностранцев, обращаясь к соседу — русскому, — произносит одно слово:

— Ленин...

И русский знает, что хочет сказать его спутник. Он отвечает:

— Да, Ленин... Он работал там, в Кремле. К нему приходило много людей. Крестьяне, ученые, шахтеры... Англичанин Уэллс... Разные люди. Он был прост со всеми и всех понимал. А сам смотрел вперед, далеко вперед, на века. И видел наш нынешний день и будущее всех людей на земле.

Медленно движется вереница людей, приближаясь к Мавзолею у подножия Кремля.

Не о смерти — о вечной жизни, о всечеловеческой правде революционных идей напоминает монумент с начертанными на нем именами Ленина и Сталина.

Тишина Красной площади, удивительная в многоголосом, бурном движении Москвы, усили-

В свеченье славы самобытной
Москва со временем в ладу,
Она печать его не скрытно,
Издревле носит на виду.

На ней черты его и вехи,
И в камне песнь о городах,
Чьи имена в иные веки
У мира были на устах.

Это представители братской Польши, артисты ансамбля песни и пляски «Шленск».

В самолюбивом этом стане
Столиц — верна своей судьбе,
Она и то́ и то́ местами,
Сама, однако, по себе.

Сама — своя, сама — большая,
Стоит, растет и вширь и ввысь,
Порой и недругу внушая
О ней не мелочную мысль.

А. ТВАРДОВСКИЙ

вает ощущение гигантской энергии трудолюбивого города и всей Советской страны.

Древние камни лежат в стенах Кремля, но площадь не стала музеем, где витают лишь воспоминания о прошлом. Красная площадь зовет к себе всех, кто смело идет в будущее.

Она никогда не пустует. В самый поздний час ночи здесь встречаешь людей. Один пришел сюда просто в мечтательном настроении, другой будто советуется с задумчивой тишиной,— кто знает, быть может, он забрел сюда безотчетно, решаясь на важный поворот в судьбе? А в одну из весенних ночей веселой гурьбой навещают площадь юноши и девушки в самых нарядных, самых светлых платьях. Взявшись за руки, растянувшись в один ряд, увлекая за собой встречных, они проходят через площадь, слушают серебряные звуки курантов и встречают восход солнца, спустившись к Москве-реке. Это стало обычаем. Сданы последние экзамены, кончились школьные годы, юность вступает в жизнь, как бы получая здесь, в сердце великого города, боевое напутствие.

Кто бы ни приехал в Москву из другой страны, он в первые же дни, порою в первые же часы направляется к Красной площади. Близок ли, далек ли он от стремлений, одушевляющих советский народ,— его влечет желание побывать там, где памятники русской старины озарены светом новых событий, новых свершений в истории человечества.

Дань уважения приносят сюда государственные деятели иностранных держав, почетные гости Москвы.

Объятые желанием сохранить в памяти все впечатления этой минуты, надолго останавливаются у кремлевских башен верные наши друзья, строители новой жизни в свободных, народно-демократических странах Европы и Азии.

Из Франции, из Индии, из далекой Исландии, из Мексики, из США и Канады приезжают люди, для которых Москва стала символом мира и дружбы народов.

На каменных плитах, на кремлевской стене начертаны имена революционеров-ленинцев, строителей первого в мире государства рабочих и крестьян, — их жизненный путь освещен пламенем доблестной борьбы за счастье народа. Гости из других стран узнают здесь имена и своих соотечественников, ставших на сторону молодой Советской республики с первых, трудных лет ее рождения. Их прах покоится в земле, которой они отдали свое сердце.

Сотни тысяч людей со всех концов света побывали в Москве, посетили Красную площадь. Иных влекло сюда обыкновенное любопытство. Другие увидели в нашей стране осуществление пламенной мечты о настоящей, достойной человека жизни. Эта мечта осветила народам путь к свободе, счастью и братству всех тружеников, всех простых людей на земле.

Они стали друзьями нашей Родины.

Они говорят на разных языках. Но, встречаясь в Москве, приобщившись к вечно живому наследию Ленина, к великому делу коммунистов-ленинцев, еще полнее чувствуют свое духовное родство сыны и дочери многих народов.

Японские парламентарии посетили Мавзолей.

Всегда много зрителей наблюдает за сменой караула.

Там, у себя на родине, они будут вспоминать: Москва, Красная площадь, и в ее тишине — взволнованная, окрыленная мысль о будущем человечества.

Тридцать восемь лет назад Великая Октябрьская революция ознаменовала начало новой эры в истории. В черном дыме первой мировой войны поднялось над Россией знамя социалистической революции. Словно рассвет забрезжил над землей после долгой ночи, и лучи его во всех концах мира первыми увидели те, кто с надеждой обращал взор в грядущее. Не так уж много было людей, сумевших тогда понять всесветную правду русской революции. Но с каждым годом правда ленинского учения открывалась миллионам и миллионам людей во всех странах, на всех континентах.

Красная площадь в Москве стала местом паломничества, олицетворением мира и дружбы народов нашей планеты.

Идет народ на Красную площадь.

Идут народы...

Евгений КРИГЕР

Фото Е. Тиханова, И. Тункеля, Я. Рюмкина.

Гости из Болгарии.

Проездом из Хельсинки многие участники Всемирной Ассамблеи Мира побывали в Ленинграде. На снимке: группа делегатов Вьетнама и Индии.
Фото В. Капустина и Н. Науменкова (ТАСС).

ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО, ЗА МИР!

Сергей ГЕРАСИМОВ,
кинорежиссер, народный артист СССР

Хотят того или не хотят сторонники «холодной войны», но минувшие месяцы этого года принесли человечеству большие надежды.

Ученые всех стран собираются в Женеве для того, чтобы поделиться друг с другом последними достижениями в области мирного применения атомной энергии. Пианист Эмиль Гилельс отправляется в Соединенные Штаты Америки и своим светлым талантом приводит в восхищение американцев. Недавно вернувшиеся из Соединенных Штатов работники сельского хозяйства нашей страны рассказывают соотечественникам о своих впечатлениях от поездки в США. А в Соединенных Штатах американские фермеры рассказывают о Москве и Кубани, о строительстве Сталинграда и об украинском урожае.

Сотни делегаций, тысячи людей со всех континентов побывали в этом году в Советском Союзе, сотни и тысячи советских граждан посетили самые различные страны мира. И каждый, возвращаясь на родину, приносил свое личное, живое, неповторимое впечатление, которое стремился сделать достоянием других людей для того, чтобы в меру сил помочь великому движению к миру и взаимопониманию.

Человечество, пережившее в течение последних десятилетий две жесточайшие войны, решительно расстается с опасными иллюзиями и предрассудками. Мысль, что простой трудовой народ способен влиять на ход истории, с каждым днем становится все более популярной даже среди пессимистически настроенных людей. Слишком уж очевидны и велики завоевания миролюбивых сил, слишком очевидно их влияние на государственную политику правительств, ответственных за судьбы народов.

Крупнейшим достижением сил мира, несомненно, является встреча Глав правительств четырех держав в Женеве, положившая начало новому этапу в борьбе за мир. И после того, как встреча эта состоялась, человечество не может разочаровать то угрюмое недоверие к результатам Женевы, которое сквозит еще в выступлениях некоторых деятелей западных государств. Народы в своем стремлении к миру научились быть терпеливыми, научились пядь за пядью отвоевывать свои права на лучшее будущее.

Политика Советского государства, открытая и прямая, пронизанная стремлением к договоренности по всем нерешенным вопросам, завоевывает симпатии все более широких масс во всех странах мира.

В этом году мы встречаем иностранных гостей во множестве городов и сел нашей страны. Они смотрят, как спокойно и равномерно движутся подъемные краны, подтаскивая к растущим этажам строительные материалы; они оглядывают просторы наших полей, где хлопотливо трудятся ты-

Дружеские пожелания

ПО ПРИМЕРУ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Великая Октябрьская революция принесла всему человечеству великолепную надежду, которая на протяжении тридцати восьми лет постепенно превращалась в действительность блестящими успехами строительства социализма в Советском Союзе. Трудящийся народ, сплоченный под знаменем марксизма-ленинизма, своим творческим трудом создает желанное общество, законом которого будет: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Трудящиеся всего мира, следуя примеру великого советского народа, рано или поздно достигнут этой общей цели.

ГО МО-ЖО,
президент Академии наук КНР.

ЖЕЛАЕМ ВАМ УСПЕХОВ И ПОБЕД

По поводу тридцать восьмой годовщины Великой Октябрьской революции мне хочется при посредстве вашего журнала поздравить с великим праздником всех друзей и товарищей, незабываемым гостеприимством которых пользовалась югославская парламентская делегация, и передать им, а через них всем народам Советского Союза лучшие пожелания дальнейшего прогресса вашей страны и успехов в борьбе за мир и за установление добрых отношений между людьми и народами.

Под влиянием Великой Октябрьской революции создались и у нас, в Югославии, те силы, которые сделали возможными нашу с вами совместную борьбу против фашистских захватчиков в прошлой войне и освобождение нашей родины. Вот почему трудящиеся нашей страны хранят в своем сердце память об Октябре и стремятся к тому, чтобы на их знамени были написаны основные принципы Октября, принципы великого Ленина.

Вот почему, дорогие друзья, мы особенно сердечно желаем вам успехов и побед в борьбе за торжество этих принципов.

Владимир БАКАРИЧ,
Председатель Собора Народной Республики Хорватии, глава югославской парламентской делегации, гостившей в СССР.
г. Загреб.

сячи и тысячи сельскохозяйственных машин, убирая урожай; они аплодируют «Лебединому озеру» в Большом театре, перебрасываются репликами среди грохота заводских цехов, заходят в магазины, или, запрокинув головы, обсуждают архитектуру МГУ, или вместе с толпой москвичей входят в ворота Кремля. Им открывается жизнь огромной страны, жизнь, полная мирного труда и творческих устремлений. Они жадно вглядываются в лицо советского человека и видят в нем друга мира, своего друга.

Их интересует все: наша архитектура, живопись, наши кинофильмы, одежда наших людей, их быт, детские учреждения и аптеки. Вот они останавливаются посреди улицы, записывают что-то в свои блокноты, щелкают фотоаппаратами. Они открывают для себя новый, ранее неизвестный им мир. При встречах они задают множество вопросов, и не следует удивляться, что вопросы эти порой бывают наивны. Они порождены дезинформацией, и наше дело — терпеливо разъяснять то, что самим нам ясно и очевидно. Со многим они не согласны, и если это люди искренние, то они тут же высказывают свое мнение, и тогда мы спорим. Невозможно в течение одной беседы переубедить пожилого человека, вся жизнь которого сложилась в условиях иного строя, иной системы взглядов. Но само желание спорить обнаруживает стремление понять друг друга, и беседа не проходит бесследно.

Но даже самые предубежденные — те, что стремятся все ощупать своими руками, заглянуть в каждую щель,— выносят от нас одну безоговорочную уверенность: советский народ жаждет мира и трудится во имя мира.

Наиболее острые разговоры, думается мне, возникают в среде людей искусства.

Как бы ни смотреть на искусство, как ни отстранять его от жизни, какую бы систему творческих взглядов ни исповедовать,— по природе своей искусство призвано отражать жизнь. Таким образом, говоря и споря об искусстве, мы говорим и спорим о самой жизни. И спор этот, разумеется, не может быть решен с такой категоричностью, как спор немецких и советских футболистов за победу на стадионе «Динамо». При различии взглядов и критериев в искусстве все может быть поставлено под сомнение. Однако есть логика больших чисел — народное мнение, которое приходит на помощь художнику, мнение, без которого невозможно было бы выделить и утвердить классику из многовекового потока художественных произведений.

— «Тихий Дон» Шолохова. Да, это книга! «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна, фильмы Пудовкина, но ведь это в прошлом!.. «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Молодая гвардия» Фадеева. Да, да... Но так ли это было на самом деле?

— Так, совершенно так.

— Это поразительно! Но что это: хроника или искусство?

— Это — искусство, рожденное жизнью.

— Не слишком ли прямой ход от жизни к искусству?

— Миллионы читателей, открывая эти книги, хотят узнать жизнь и узнают ее, так как видят в этих книгах черты своей судьбы, узнают свои мысли, страсти и намерения, и это приносит им наслаждение. Значит, ход от жизни к искусству верный.

— Быть может. Но не слишком ли откровенна тенденция?

— А нужно ли прятать стремление человека к правде и счастью?

— Да, но это может быть воспринято как пропаганда.

— Пропаганда чего?

— Определенных идей.

— Но если эти идеи хороши?

— Идеи все хороши, но на их пути сложность и противоречия жизни.

— Нет, не все идеи хороши. Что же касается противоречий и трудностей жизни, то они-то как раз и раскрыты в этих книгах. Только человек в них сильнее трудностей жизни, и в этом сила этих книг...

Гости с интересом открывают номер журнала «Иностранная литература» и видят, что в нем напечатаны произведения Чжао Шули, Роже Вайяна, Сильвии-Маджи Бонфанти, Кришана Чандара, Эрнеста Хемингуэя...

— Ого, Хемингуэй! — говорят они и вскидывают вопросительные взоры.

— Да, у нас с интересом читают самых различных западных писателей. Многие их произведения изданы большими тиражами. Мы с гордостью можем сказать, что по читательской активности первенство принадлежит нашему народу. У нас любят читать книги, разбирать и критиковать их. Хотите, посидим на читательской конференции? Такие конференции проходят каждый день в городских, заводских и колхозных клубах, в вузах и школах.

— Там критикуют западных писателей?

— Частенько и своих.

— И своих? За что?

— За отступление от правды, за недостаточную глубину, за недостаточную художественную отделку.

— Вот это интересно послушать!

— Конечно, интересно.

И мы отправляемся на читательскую конференцию.

Такие или подобные им разговоры вспыхивают тотчас, как встречаются писатели или журналисты, театральные деятели или киноработники, просто читатели или зрители.

Стремление к открытию нового мира увлекает гостей в самые отдаленные уголки Советского Союза. Встречи происходят в Тбилиси и Хабаровске, в Свердловске и Краснодаре, на целинных землях, в Сталинграде и Ереване. Это стремление узнать, понять Советскую страну, советского человека встречает дружескую поддержку со стороны наших людей. Завязываются традиционные дружбы городов: делегация Ковентри отправляется в Сталинград, делегация Сталинграда — в Ковентри; бирмингамцы шлют своих посланцев в Свердловск, свердловчане — в Бирмингам. Эта нарождающаяся традиция полна глубокого значения и красоты.

Огромная жадность к узнаванию, отличающая советских людей, вызывает многотысячный поток посетителей в Парк культуры и отдыха имени Горького, когда над выставочным павильоном развеваются флаги Чехословакии, Китая или Индии. С каким острым интересом всматриваются юноша и девушка, приехавшие учиться в Московский университет откуда-нибудь из Комсомольска-на-Амуре или из аула в Северной Осетии,— с каким интересом вглядываются они в замысловатый, грациозный рисунок индийского орнамента!

Интересно наблюдать, как разговаривает работница «Трехгорной мануфактуры» с представительницей далекой Индонезии, не пожалевшей сил и времени, чтобы пересечь океаны и континенты, чтобы здесь, в этом стрекочущем цехе, пожать руку советской трудовой женщине.

И тут гостей и хозяев поражает одна и та же простая и такая важная мысль: как естественно происходят эти знакомства, эти встречи! Как много крепких, неразрывных связей рождается в тот миг, когда люди, не зная языка, протягивают друг другу руку с одним словом, которое звучит на всех языках, как пароль: «Мир!.. Мир!» Особенно легко и сердечно происходят эти встречи между людьми труда, знающими цену усталости и отдыха, связанными между собой великим единством тружеников, производящих материальные ценности.

Минувшие месяцы этого года, полные знаменательных и обнадеживающих событий, расширили дорогу к взаимному доверию и дружбе. Видя перед собой великие цели, наши люди протягивают руку каждому, кто, понимая эти цели и сочувствуя им, готов словом и делом укреплять деловые и дружеские связи между народами, для кого путь к человеческому счастью неотделим от слов: сотрудничество, дружба и мир.

ТОВАРИЩАМ И БРАТЬЯМ ПО БОРЬБЕ

Сердечно приветствую товарищей и братьев по борьбе, людей Советской страны, по случаю тридцать восьмой годовщины Октябрьской революции. Каждый трудящийся француз будет вечно хранить в своем сердце признательность к народу великого Советского Союза, который первым в мире, вдохновляемый гением Ленина, окончательно и навсегда установил у себя власть трудящихся.

Сегодня более чем треть населения всего мира последовала славному примеру Советского Союза.

Марсель КАШЕН

НИКАКАЯ СИЛА НЕ РАЗЪЕДИНИТ НАС

С чувством гордости и радости я приветствую страну Великого Октября от имени миролюбивых людей Индии.

Особое значение Октябрьской революции в истории

мирового освободительного движения заключается в том, что эта революция, возглавленная рабочим классом и осуществленная под мудрым руководством Ленина, послужила началом общего кризиса колониальной эксплуататорской системы. Эта революция вдохновила борьбу за освобождение во всех колониях и полуколониях Востока, включая Индию.

Славными являются традиции советско-индийской солидарности. Я вспоминаю, как в свое время, когда я находился в тюрьме, Ленин выступил с решительным осуждением зверств британских империалистов в Амритсаре. Я не забыл также и того, как в 1928 году в Мадрасе мы направили советскому народу Послание Мира и провозгласили в этом Послании решимость нашего народа никогда не воевать против Советского Союза в любой войне, вызванной империалистами.

Народы СССР и индийский народ, продолжая эти традиции, идут рука об руку, в нерушимом единстве, борясь за мир и свободу во всем мире. И никакая сила не может разъединить нас.

Д-р Сайфуддин КИТЧЛУ,
вице-председатель Всемирного Совета Мира.

27 октября в Женеве в здании Дворца наций открылось Совещание министров иностранных дел Франции, Англии, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В соответствии с Директивами Глав правительств четырех держав на повестке дня Совещания стоят три вопроса: европейская безопасность и Германия, разоружение, развитие контактов между Востоком и Западом. На снимке: в зале заседаний.

Фото А. Новикова.

Дружеские пожелания

РАБОТАТЬ НА БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Я хочу воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить ученых Советского Союза за радушный прием, который они оказали мне во время моего путешествия в Москве, Ленинграде и Средней Азии. Я надеюсь ответить таким же гостеприимством, когда советские ученые посетят Америку.

По случаю 38-й годовщины Октябрьской революции, национального праздника СССР, шлю привет друзьям в Советском Союзе и надеюсь, что все мы будем работать вместе в поисках правды и на благо всего человечества.

РИЧАРД Н. ФРАЙ,
профессор Гарвардского университета, США.

РАЗДЕЛЯЮ ВАШУ РАДОСТЬ

Бесчисленным друзьям во всех концах Советского Союза шлю самые горячие свои приветствия по случаю великой годовщины.

Величайшее историческое значение создания Советского Союза с каждым годом становится все более очевидным для всех народов. Советский Союз — светоч, на который с благодарностью взирают все, кто хочет мира и борется за него.

В наши дни, когда человечество еще более пламенно, чем когда-либо, надеется на мирное разрешение международных разногласий, очень важно укреплять дружбу и взаимопонимание между простыми людьми. Это важнейший фактор в борьбе за длительный мир, за постепенное разоружение, за повышение

жизненного уровня во всех странах.

Что касается лично меня, то я испытываю огромную радость, что имею возможность по случаю тридцать восьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции принять участие в празднествах в Москве, разделить вашу радость, еще раз увидеть ваши замечательные достижения и пожелать вам еще более великих и чудесных успехов в будущем.

МОНИКА ФЕЛТОН,
английская общественная деятельница.

ЦЕНТР БОРЬБЫ ЗА МИР

Миролюбивые народы всего мира с глубокой благодарностью взирают сегодня на великий Советский Союз, дату рождения которого мы празднуем в текущем месяце.

Я приветствовал русскую революцию на многолюдном митинге в 1917 году. Я приветствую ее сегодня.

В 1917 году я взирал с великой надеждой на начало новой эры. Ныне я вижу величественное исполнение тогдашних ожиданий.

Советский Союз не только догнал наиболее развитые в индустриальном и сельскохозяйственном отношении страны, не только занял ведущую роль в области охраны здоровья населения, народного образования, науки, но и постепенно стал центром борьбы человечества за мир. В Москве все в большем числе встречаются выдающиеся государственные деятели Запада и Востока.

Советский Союз решительно взял в свои руки инициативу в деле обеспечения мира и сотрудничества между народами. Сейчас СССР — это подлинное отечество дела мира.

Ваш искренне

Хьюлетт ДЖОНСОН

Кентербери. Ноябрь.

ПРИВЕТ ИЗ НЕБРАСКИ

Уважаемый господин редактор!

Отсутствие мое в городе лишило меня возможности своевременно послать эти строки для октябрьского номера Вашего журнала.

Если еще не поздно, не откажите в любезности передать всем советским людям, с которыми наша сельскохозяйственная делегация встречалась в Советском Союзе, мои поздравления с праздником и благодарность за замечательное гостеприимство,

которым мы пользовались повсюду в Советском Союзе и которое дало нам прекрасные возможности наблюдать прогресс, достигнутый сельским хозяйством Советского Союза.

Искренне Ваш

Уильям ЛАМБЕРТ,
декан сельскохозяйственного колледжа при университете в штате Небраска, США.

ПОБЕДА НА ВОЛГЕ

Общий вид затопленного котлована Куйбышевской ГЭС с верхнего бьефа.

А. СТАРКОВ. **Фото А. ГОСТЕВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Вот и свершилось: Волга перекрыта в Жигулях. Она схвачена на полном скаку под уздцы, вздыблена, остановлена и повернута в новое русло.

Обстановка перед решительным штурмом реки, который длился девятнадцать часов сорок пять минут, выглядела так.

Земляная плотина еще летом шагнула с левого берега в реку, оставив для ее свободного хода узкую, 350-метровую, протоку. Волжские суда пошли в обход плотины по временному каналу, через шлюз. В котловане ГЭС высоко поднялись бетонные стены и шел монтаж первых пусковых турбин. Вот уже и самый котлован заполнили водой через прорези в низовой перемычке. А в русловой протоке к тому времени был готов и поджидал самосвалы наплавной мост — двадцать четыре баржи, соединенные между собой стальными фермами и покрытые деревянным настилом.

Оставалась последняя операция перед тем, как начать окончательное перекрытие Волги. Нужно было открыть перед ней новую дорогу — через донные отверстия здания ГЭС. А для этого требовалось разобрать перемычку, защищавшую котлован гидростанции со стороны верхнего бьефа. Сделать это оказалось не так-то просто, в чем были «повинны» сами строители: в свое время, заботясь о том, чтобы вода не смогла проникнуть в котлован, они постарались как следует укрепить перемычку.

Много часов бились над перемычкой земснаряд, экскаваторы, бульдозеры. Вот уже пробита брешь, но ее мало. Нужно как можно шире раскрыть ворота в этой своеобразной крепостной стене с тем, чтобы все больше и больше воды проходило здесь через верховой проран и чтобы вследствие этого снизилось напряжение в русле, у наплавного моста. Только тогда можно начинать заключительный этап перекрытия.

За каждым движением Волги, за каждым ее вздохом и выдохом неусыпно следили десятки разведчиков: дежурные гидрологических постов, все время измерявшие скорости и глубины, экипажи специальных самолетов, производившие аэрофотосъемку... На основании всех этих данных, фиксировавших поведение реки, нужно было избрать наиболее удобный момент для завершающей атаки.

На дне реки уже лежал каменный банкет — гряда, которую отсыпали еще летом. В ночь на 30 октября началась дополнительная отсыпка этой гряды. Зачем? А для того, чтобы, натолкнувшись на каменную стену, река начала интенсивнее поворачивать к прорану верховой перемычки, который становился все шире и шире. Река поворачивала, но все еще медленно, неохотно — требовались решительные меры.

И вот ранним утром 30 октября был дан сигнал к последнему штурму. А штурмовать реку собирались с помощью специально заготовленных бетонных пирамид, каждая весом в десять тонн. На правом берегу Волги выстроилась колонна мощных «ЯЗов», у которых кузовы были заменены стальными решет-

Перекрытие Волги. Снимок сделан в ночь с 30 на 31 октября.

ками, делавшими машины похожими на знаменитые фронтовые «катюши». По сигналу с командного пункта колонна машин, на каждой из которых находилась пирамида, двинулась с откоса к наплавному мосту. Колонну вел бывалый шофер Георгий Михайлович Игнатьев, который в дни войны водил головную машину моторазведывательного батальона. Теперь он вел колонну не в разведку, а в атаку...

Игнатьев, съехав на мост и развернувшись, подкатил к отвальному брусу и остановился в ожидании команды. А скомандовать ему должна была маленькая, худенькая девушка с белым флажком в руке, Нина Попова, которую тринадцать лет назад, в одну из тех ночей, когда Игнатьев, быть может, вел в разведку свою фронтовую машину, перевезли на пароме из горевшего Сталинграда на левый берег реки. Прошли годы, девочка выросла, выучилась, стала гидротехником и вот теперь находилась на самом передовом участке великой стройки на Волге.

Флажок в руках Нины Поповой взметнулся, в ту же секунду поднялась решетка «ЯЗа» и тяжелая пирамида рухнула в воду. А рядом еще такая же, и еще, и еще. Река тут же глубоко вздохнула и выдохнула вверх высокие пенистые столбы. Пирамид как не бывало: Волга поглотила их. И так продолжалось долго: люди метали в реку бетонные пирамиды, а она, пенясь и бурля, проглатывала их.

Казалось, Волга торжествует над людьми, решившими ее покорить, торжествует и посмеивается: бросайте, бросайте, для меня ваши пирамиды — камешки, которые я вон куда отбрасываю!..

Но так могло показаться только непосвященному человеку. А люди посвященные — гидротехники, гидрологи — видели, что река тужится уже из последних сил. И кто-то из усмирителей реки, глядя на бушующую Волгу, произнес, обращаясь к ней, как к живому существу:

— Ну что ты, матушка, кипятишься, что ты лезешь на рожон? Тебе же открыли новую дорогу, поворачивай туда... Образумься!

Волга перекрыта.

Все новые и новые пирамиды летели в воду. В безостановочном движении шли тяжелые самосвалы. Многие шоферы, начавшие работать в теплых куртках, в ватниках, сбросили их с себя. Жарко! На спуске к мосту появилась буфетчица, которая подавала шоферам бутылки с нарзаном. А вскоре подошел и кулинар, приготовивший для водителей горячие, сочные котлеты.

Теперь уже и непосвященному стало видно, что усилия людей берут верх над усилиями реки. Из воды то тут, то там начали проступать мокрые ребра пирамид. Значит, река их уже больше не отбрасывает. Значит, она уже не может с ними справиться. Значит, победа близка.

Оттуда, с верхового прорана, поступают радостные сводки: расход воды достиг там более полутора тысяч кубов в секунду. А это ведь немногим менее половины всей воды, которую проносит Волга в районе Жигулей. Еще нажим, еще удар, еще сотня, другая сброшенных в реку пирамид — и Волга повернет вправо, к донным отверстиям гидростанции.

Трудно передать словами всю динамику битвы, разыгравшейся на волжском плацдарме. Около двадцати часов длился бой...

И вот гряда пирамид, которые река теперь уже не могла тронуть с места, перехватила ее намертво.

По радио звучит команда:

— Прекратить сбрасывание пирамид!

И вслед за этим по радио же звучит бодрый голос местного поэта Николая Медведева, который не только поэт, но и старший прораб, строивший наплавной мост:

«Если Волга разольется,
Трудно Волгу переплыть...»
Эти строки нам придется
Нынче в корне изменить.
Мы на деле доказали,
Что не только переплыть,—
Мы сумели, как сказали,
Нашу Волгу перекрыть.

Стихи эти, с точки зрения высоких поэтических требований, быть может, уязвимы, но не будем придираться к их автору: они писались в бою...

В тот момент, когда была сброшена последняя пирамида, люди на мосту обнимались. Начальник строительства обнимал шофера, московский профессор — своего ученика, ныне начальника строительного участка, гидролог — экскаваторщика, бульдозерист — шкипера баржи. И, наверно, пилоту вертолета, повисшего в это время над рекой, тоже хотелось кого-нибудь обнять.

Но изъявлениям чувств могли быть отданы только минуты. Покориться-то Волга покорилась, но следить за ней нужно попрежнему бдительно, и оставлять ее в покое нельзя. Впереди дни, наполненные борьбой. Впереди намыв плотины, которая создаст напор воды, способный привести в движение лопасти пусковых турбин. Впереди декабрь — месяц, когда эти лопасти сделают первые обороты и по проводам побежит первый ток Куйбышевской ГЭС...

Повар А. Атоян угощает горячими котлетами шофера В. Родионова.

ГОРЬКОВСКАЯ ГЭС ВСТУПАЕТ В СТРОЙ

Предпраздничные дни на Горьковской ГЭС проходили в обстановке большого трудового напряжения. Все готовились к радостному событию — пуску первой турбины.

На снимке: водосливная плотина Горьковской ГЭС.

Фото А. Горячева и А. Моклецова.

На строительстве Куйбышевской ГЭС.
Фото А. Гостева.

Колхоз имени Сталина, Емильчинского района, Житомирской области. Звеньевая Е. А. Саух получает аванс на трудодни.

Фото Н. Козловского.

П. КРАВЧЕНКО

Ефросинья Архиповна Саух приехала из города. Пелагея Солоп, Наталья Саух и Анна Левченко захлопотали у плиты. Сегодня у Ефросиньи Архиповны семейное торжество: день рождения дочери — девятиклассницы Раисы.

Все гости должны были собраться к пяти часам вечера, но уже сейчас, кроме женщин-помощниц, в хате то показывался, то вновь таинственно исчезал дед Иван Ильич Маринин. Он что-то приносил, ставил в угол, совещался с мужем Ефросиньи Архиповны Владимиром Марковичем и снова бежал куда-то легкой стариковской трусцой.

Хозяйка с дочкой священнодействовали еще немного у печки, потом Ефросинья Архиповна вытерла руки, сняла передник и сказала:

— Ну, кажется, все. Пока соберутся, пойдем, Раечка, займемся делом.

— Личный секретарь докладывать будет,— подмигнул вновь появившийся на кухне дед Маринин.

Все они вместе с Владимиром Марковичем и женщинами отправились вслед за Раисой в горницу слушать письма.

— Я уже все разобрала, мама. Эти два письма неинтересные. Женихи. Опять спрашивают, замужем ли ты и сколько тебе лет. Ответа не будет... Из Вологодской области молодой председатель — его только что избрали — просит рассказать про агротехнику льна. Я ему отправлю твою последнюю книжку... Хорошее письмо из Львовщины, из Магеровского района, от звеньевой Марии Ковальчук. Она хочет тебя догнать и перегнать по урожаю льна, сама собирает уже по 15 центнеров с гектара, прочитала обе твои книжки и не удовлетворилась, просит подробности. На это письмо тебе придется ответить самой, я не сумею, письмо будет здесь, в этом ящике... Из Института агробиологии Академии наук УССР просят выслать образцы форм и сортов нашего льна — всего 500 граммов. Это я сделаю завтра.

А вот самое интересное письмо. У нас в Симаковке сколько людей носит фамилию Саух?

— Да почти полсела. Мы не считали.

— Ну так вот еще один нашелся. Читай: «Ефросинье Архиповне Саух от Т. Саух. Город Виндзор, Онтарио, Канада».

— Что это? — придвинулся дед Маринин.— Из Канады? Так ты же, Ефросинья, по-канадски не разумеешь.

Но письмо было написано не по-английски, а по-украински, ровным, хотя немного дрожащим почерком. Все склонились над столом.

Вот оно, это письмо, переведенное на русский язык.

— «Знаю, что вас письмо мое удивит, ибо я вас не знаю и вы меня,— читала вслух Ефросинья Архиповна.— Надеюсь, что письмо мое найдет вас в добром здоровье, и дозвольте мне с вами познакомиться, чтобы вы узнали про меня, а я тоже узнал, какого вы роду. Вот уже сорок три года, как я, Тимофей Саух, уехал из родного села Симаковки и не знаю, кто из знакомых остался живой и какая судьба постигла село и людей».

— Что, Ефросинья,— вдруг перебил дед Маринин.— Это же Тимоха пишет, а я и забыл про него. Значит, живой еще!

— Какой Тимоха?

— Так он же как пришел со службы, то с грусти в Америку подался. Тут у нас вербовщик был оттуда... Ты в двенадцатом году родилась? А он в тот самый год и уехал, откуда же тебе его знать? Семьдесят первый год ему теперь... Пелагея, вот ты его помнишь, тебе лет тринадцать тогда было.

«Уже тридцать один год, как я работаю на фабрике в Виндзоре,— говорилось дальше в письме.— К нам в Канаду приходит немного литературы из Советского Союза. Как попадается в руки журнал или газета, сразу проглядываю, есть ли что о Житомире... И вот пересматриваю литературу в нашем городском украинском работничьем доме, смотрю: журнал «Украина». Сунул я этот журнал в кишеню, пришел домой, сел за стол. Перелистываю, вижу: «Емильчинский район. Село Симаковка, коллектив имени Сталина». Даже жарко стало, я закрыл журнал на минуту... Жена и дочка заметили. Дочка говорит: «Батько, что с тобою? Что-то недоброе?» Говорю: «Ничего, все доброе». Жена говорит: «Батько нашел что-то, дай и я посмотрю». Открываем снова и читаем вслух статью про вашу, Ефросинья Архиповна, работу в симаковском колхозе имени Сталина. Читаю я про вас, Ефросинья, бесчисленное количество раз, и смотрю на ваш портрет, и думаю про жизнь, какая она на свете бывает... Вижу, на груди у вас блестят три ордена, которыми одна советская держава награждает за честный труд... Слов я не имею, какими вас можно поздравить за эти награды и за все ваше счастье.

Дорогие мои селяне села Симаковки, товарищи по годам и знакомые, кабы знали вы, как тужу я по Родине все эти долгие годы! Почему я уехал оттуда? Вы же помните: земли не было, жить было невмоготу. Как думаю про ваш коллектив, который трудится на себя и на свое государство, я вспоминаю про другой «коллектив», когда нас коллективно сгоняли работать на полях того проклятого графа Уварова и как мы работали за 15 копеек от зари до зари. Помните, сверстники мои, какую великую силу хлеба вы собирали — хватило бы на село, но Уваров все продал, забрал деньги и уехал в Париж, а мы остались голодными, с подтянутыми животами...

Да что про это говорить!

От всего сердца прошу вас: дайте мне возможность получить от вас весточку.

Сердечный привет всем живущим. Поклонитесь от меня вы погибшим за родную нашу землю.

Уважающий Вас Т. А. Саух».

Все слушали тихо. Кроме Ивана Ильича Маринина да Пелагеи Емельяновны Солоп, никто из собравшихся не помнил Тимофея Сауха. Но письмо этого незнакомца, этого земляка-иностранца взволновало и хозяйку, и ее семейство, и ее гостей.

— Смотрите! — удивилась сестра хозяйки Наталья.— Сколько лет там живет, а не забыл Родину, хотя он, кроме горькой беды, ничего другого тогда здесь не видел!

— И языка своего за сорок три года не забыл,— сказала Раиса.— Письмо хоть и с ошибками, без запятых, а все по-украински!

— А что же ты напишешь в Канаду?

— Пускай свою книжку пошлет,— посоветовал дед Маринин.

— А зачем ему про агротехнику льна читать? Он рабочий человек, в городе на фабрике тридцать один год работает.

— А то ж и верно. Я из головы выпустил, что он с землей дел не имеет,— согласился Иван Ильич.— Ну, пусть напишет, что по сорок или по семьдесят тысяч одними деньгами в год здесь получают. Да до 40 центнеров пшеницы, да чуть ли не столько же льносемян... Про Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, куда участницей ездила... Карточку не мешало бы послать, где ты на своем ЗИМе снята. Пусть знают, как наши живут.

— Найду, что написать! — твердо сказала хозяйка и задумалась.

...Что же все-таки ответить земляку-иностранцу? На несколько минут разговоры затихли. Вспомнила Ефросинья Саух свое детство, когда маленькой, босой, лохматой девчушкой, прячась за спины взрослых, смотрела она на мертвые тела своих земляков — ровесников Тимофея Сауха, погибших в борьбе за Советскую власть на родном Полесье. Вспомнила, как начинала учиться грамоте; как в молодом еще колхозе стала звеньевой и робко осваивала опыт другой звеньевой — Веры Степанчук; как агрономы старательно объясняли ей научный подход к выращиванию льна; как сама все смелее и смелее стала проводить опыты на земле; как ночами выходила со всем звеном скирдовать лен, чтобы не высыпался; как вначале выбирали лен вручную, пока не появилась льнобралка. И про то вспомнила, как спешно эвакуировалась от захватчиков в далекую Татарскую республику — тогда она и вступила в партию. И как вернулась, чтобы вместе с подругами и товарищами заново отстраивать разрушенный колхоз.

— Найду я, что написать,— повторила она.— А теперь, дорогие гости, прошу вас в другую комнату за стол!

И когда Раиса, немного краснея и подыгрывая себе на гитаре, спела новые песенки, Ефросинья Архиповна Саух подняла бокал вина:

— Теперь, после того, как мы выпили за дочку, прошу поднять бокал за трудящихся всего мира. За дружбу между советскими людьми и за нашу общую дружбу со всеми простыми людьми целого света, где бы они ни жили: в Пекине, в Праге, в Париже или в канадском городе Виндзоре!

Слева направо: Мария Солоп, Ефросинья Саух, Наталья Саух, Иван Ильич Маринин, Владимир Яценко, Пелагея Солоп (сидит впереди).

Фото Н. Козловского.

ВСТРЕЧА

Рассказ

Тихон СЕМУШКИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА

Капитан дальнего плавания Воронов подъезжал к Ленинграду в канун праздника Октябрьской годовщины. Поезд «Красная стрела» мчался уже по пригороду, и пассажиры толпились в тесном коридорчике вагона, посматривая в окна и ведя оживленный предпраздничный разговор.

И только капитан Воронов — кряжистый человек, высокого роста, с седеющей головой и пышными усами — стоял в одиночестве у крайнего окна, глубоко задумавшись. Он невольно обращал на себя внимание всей своей внешностью. На его подтянутой, чуть-чуть располневшей фигуре отлично сидел морской китель с золотыми галунами. На его груди был значок депутата Верховного Совета. С виду капитан казался суровым, необыкновенно серьезным и труднодоступным человеком для случайного дорожного знакомства. Илья Николаевич Воронов в эту минуту был погружен в приятные и неприятные воспоминания.

Каждый раз, подъезжая к своему родному городу, он невольно отрешался от всего окружающего и мысленно уносился в далекое прошлое. Вспомнилось нелегкое детство, изможденное, но ласковое и доброе лицо матери, на руках которой осталось после смерти отца-кузнеца трое детей. Тяжелая, беспросветная, полная лишений жизнь. О хорошей жизни нельзя было даже и мечтать. И все же оборвыш Илюша Воронов в своих мечтах переносился с берегов Невы на морские просторы океанов, в полярные экспедиции.

Иногда часами он торчал у мореходного училища, в окнах которого разглядывал всевозможные лаковые кораблики, выбирал себе по душе один из них и мечтал: «Вот бы поплавать на таком... капитаном».

Все это могло лишь присниться. Жизнь была такой, что о мореходке и думать было нечего. Старый Питер Илюше Воронову готовил совсем иной удел, совсем иную судьбу.

Но вот свершилась Октябрьская революция, и невообразимая мечта стала явью. Илюша Воронов волею революции был превращен в известного всей стране капитана крупнейшего линейного ледокола.

Илья Николаевич глубоко вздохнул, глаза его блеснули, и он подумал: «А сколько людей сейчас с такой же биографией? Сотни тысяч. Миллионы».

В Ленинграде, где капитан не был около десяти лет, из родных никого не осталось. Были друзья-моряки, но в праздник их не хотелось беспокоить. Выйдя из поезда, он сел в машину и поехал в гостиницу «Астория».

В «Астории» капитана Воронова узнали, отнеслись к нему весьма почтительно, но номера предоставить не могли. В эти дни Ленинград заполняли гости из самых разных мест страны. В вестибюле слышалась и иностранная речь.

К Воронову подошел директор гостиницы.

— Как же вы, товарищ Воронов, не догадались послать нам телеграммочку? Сами знаете, праздничные дни. Больше половины гостиницы заняли гости-иностранцы. А теперь, право, я не знаю, что с вами и делать, — разведя руками, сказал директор.

— Плохо вы принимаете своих земляков, — улыбнулся Илья Николаевич.

— Есть у меня один «люкс», но только ведь очень он дорогой. Если хотите...

— С удовольствием возьму, — прервал его Воронов.

Илья Николаевич вошел в свой «люкс», с морской аккуратностью повесил шинель на плечики и, словно с мороза, крепко потер руки, покряхтывая от удовольствия. Он прошел в гостиную, заглянул в кабинет, посмотрел спальню, огромную ванную комнату и вслух сказал:

— Великолепный номер!

Здесь всюду был хрусталь, красное дерево, дорогие ковры, неплохие картины, фарфор и отличные вазы на столах и столиках.

Воронов подошел к широкому окну с видом на площадь, на монументальное сооружение Монферрана — Исаакиевский собор, куда на самый верх он в детстве забирался не один раз полюбоваться Питером. Теперь из окна гостиницы и собор казался строже, торжественнее и величественнее. А вон слева царь Николай I на коне. Воронов вспомнил, как они, мальчишки, бегали вокруг него, залезали на грани пьедестала и как городовой гонял их отсюда. Вспоминался подслушанный им где-то каламбур: «Дурак умного догоняет, никак догнать не может». А там, за Исаакием, на берегу Невы, скакал на вздыбленном коне Медный всадник.

Долго стоял Илья Николаевич у окна, смотрел на жизнь площади и решил прогуляться по улицам города, по набережным Невы. С прогулки по городу он вернулся поздно вечером и нашел на столе пропуск на завтрашний военный парад у Зимнего дворца.

Утром после завтрака капитан Воронов надел шинель и вышел на улицу, украшенную флагами, с тем легким и приятным чувством, которое появляется в этот праздничный день. В воздухе царило спокойствие, и только громкоговорители нарушали утреннюю тишину. Люди шли степенно к Зимнему дворцу, предъявляя свои пропуска.

Илья Николаевич прошел контрольный пост и остановился. Его внимание привлек мальчик в форме ремесленного училища. Мальчик упрашивал какого-то солидного гражданина:

— Дяденька, возьмите меня с собой на парад.

— Как же я тебя возьму, когда у меня пропуск на одного человека!

— С родителями можно. Возьмите, я никогда не был на параде.

— Успеешь еще. Не могу.

Столкнувшись с такой непреклонностью «дяденьки», мальчик побежал назад и скрылся в потоке людей, повидимому, в поисках доброго дяди.

Капитану Воронову стало жалко мальчика. Он поискал его глазами в толпе, но его и след простыл. Илья Николаевич стал в сторонку и решил подождать, не покажется ли

он вновь. Капитан стоял, и ему вспомнился 1917 год. Питер бурлил. Илюша Воронов задался целью пробраться в Смольный, поглядеть, что там. Вот уже он чуть не юркнул в дверь, но сильная рука матроса схватила его.

— Нельзя сюда детям.

— Да я посмотреть только...

— Сказано тебе, нельзя.

Вдруг матрос вытянулся, козырнул какому-то гражданскому человеку.

— Что этот мальчик хочет?

Матрос чуть улыбнулся и ответил:

— Желательно ему посмотреть, как делается революция.

— О-о, это важная причина и весьма уважительная. Пропустите его.

Илюша, не дожидаясь разрешения матроса, сорвался с места и пулей влетел в открытую дверь. Тогда он ничего не понял, но теперь Илья Николаевич был убежден, что в то время судьба его столкнула с Лениным.

Вспомнив об этом, Илья Николаевич еще больше пожалел, что не окликнул мальчика. Он еще раз посмотрел в толпу, где скрылся ремесленник, и пошел к Зимнему.

Пропуск пришлось предъявлять еще два раза. Почти у самого Зимнего Воронов вдруг увидел мальчика около того же гражданина.

— Да ты как попал сюда? — удивился тот.

— Вот так, — и мальчик сделал в воздухе зигзаг.

— Вот так и дальше пробирайся, а я не могу тебя взять.

— Дальше не пройдешь,— с грустью, прищелкнув языком, сказал мальчик.

Воронов быстро зашагал в его сторону.

— Слушай, мальчик! — крикнул он. — Иди со мной.

Ремесленник подбежал, запыхавшись.

— Вот спасибо вам, дяденька. Дай бог вам доброго здоровья.

— Милый мой, да разве бог дает здоровье?

— Да ведь как сказать вам, дяденька, в деревне у нас так говорят. И не то чтобы бог, а вроде как добра желают.

— А ты откуда родом?

— Я-то? Из Ивановской области.

— А сюда как попал?

— Как? Очень просто. Отец на фронте погиб. Я его почти и не помню. Нас, детей, трое осталось. Матери, сами понимаете, трудновато. Я и решил получить специальность в городе. Я вот учусь еще, а меня уж забронировали на авиационный завод. Выходит, специальность-то от меня никак не уйдет.

— Выходит, так, — согласился капитан и, взяв мальчика за руку, прошел последний контрольный пост. — Он со мной.

— Большое спасибо вам, дяденька, — заглядывая в лицо капитану своими синими глазами, проговорил мальчик. — Век не забуду вашей доброты.

— Ты учись только как следует. Плохо будешь учиться — и специальность будет не специальностью.

— Так раз уж я дорвался до этого дела, будьте покойны, постараюсь. У нас есть старичок-мастер. Он нам говорил: вы, ребята, молитесь богу за Советскую власть. Нам раньше не то чтобы общежитие, одежда да питание, арапником нас больше обучали да еще деньги за это требовали.

— Правильно старик вам говорил... В каком году погиб отец?

— В сорок третьем.

Они молча вошли на трибуны, нашли себе место, и мальчик с необычайной быстротой и ловкостью вскарабкался на барьер, свесив ноги. Лицо его сияло, синие глаза светились. Он снял фуражку, пригладил белокурые волосы и воззрился на еще пустующую широкую площадь, посредине которой стояла Александровская колонна с ангелом наверху.

— Это про него у Гоголя написано: крест держит на караул,— сказал мальчик.

Илья Николаевич улыбнулся и поправил:

— А по-моему, это у Пушкина.

Мальчик своей словоохотливостью, живым умом, любознательностью и житейской сметкой вызывал у капитана Воронова необыкновенно теплое чувство.

Начался парад. Ремесленник замер на барьере. Затаив дыхание, он следил за прохождением войск. Вот вышли тяжелые танки с широкими стальными лапами. Гулом металла заполнился воздух площади.

— Вот сыпят — земля дрожит! — воскликнул он и сделал при этом характерный жест рукой. Вслед за танками двинулась мощная артиллерия, живая, не то что в кино.

— Ой, какая огромная пушка! Такая угостит, делов наделает...

Мальчик сидел и восторгался.

Больше всего его поразила авиация. Низко пронеслось над самой площадью звено реактивных истребителей, вслед за ним другое, третье, четвертое, пятое. Он не успевал водить головой из стороны в сторону.

— Вот дают, вот дают! Как стрижи над рекой! Когда-нибудь, наверное, и я буду делать такие самолеты.

Илья Николаевич взял его за плечи и шепнул:

— Ты лучше будешь делать. Твои будут на Луну летать и до самого́ Марса.

Военный парад подходил к концу. Жалко было, что он так скоро заканчивался. Смотреть его можно было целый день. Вскоре началась демонстрация. Мальчик спрыгнул с барьера и сказал:

— Вот и все. А демонстрацию можно и на улице посмотреть. Да и в свою колонну пора идти.

— Ну, хорошо. Пойдем вместе.

— Ничего, дяденька, я один. Обратно без пропуска выпустят.

— А мне тоже домой надо. Пошли. Тебя как звать?

— Меня-то? Илья.

— О, тезка, значит.

— А вас тоже так зовут?

— Да.

— А по отцу?

— Николаевич. Илья Николаевич. Вот, выходит, и познакомились.

— А меня — Андреевич.

— Значит, Илья Андреевич? — с подчеркнутой серьезностью спросил капитан.

Мальчик серьезно кивнул головой. Он вел себя независимо и теперь почти совсем освоился.

— Илья Николаевич, — спросил он, — а что значат вот эти ваши нашивки на шинели?

— Это значит, что я капитан первого ранга.

— Как бы первого разряда? Самый высший капитанский разряд?

Илья Николаевич улыбнулся и ответил:

— Да, самый высший.

Так, разговаривая обо всем, они незаметно дошли до гостиницы «Астория».

— Ну, что же, Илья Андреевич? Раз ты оказался таким настырным, зайдем ко мне.

— А вы здесь живете?

— Да, в гостинице.

— Я никогда не бывал в гостинице. Можно зайти, — живо и охотно согласился мальчик.

Илюша не очень уверенно переступил порог лифта и стал на задрожавший пол его. Лифт зашумел, и мальчик с застывшей улыбкой, глядя вверх, замер. В такой клетке Илюша поднимался впервые в жизни.

Номер «люкс» поразил мальчика еще больше.

Он снял шинель, на нем была темносиняя форма ремесленного училища. Форма была праздничная, чистая, и мальчик, остриженный под «польку», выглядел заботливо ухоженным. Поправив на себе пояс, он почти пробежал по всем комнатам, разглядывая все, что было на полу, на стенах и на потолке.

— Это вы здесь живете?

— Да.

— Один?

— Да, один.

— Это квартира ваша?

— Нет, не квартира. Это же гостиница. Я временно здесь остановился.

— Значит, здесь кто хошь может остановиться?

Мальчик, задрав голову, смотрел на люстру, поблескивавшую гранями хрусталя.

— Да, хорошее помещение, — дал он окончательную оценку номеру.

На вызов явился старик-официант.

— Никак, родственничка нашли? — спросил он капитана.

— Нет, на улице познакомились.

— Неужели приблудный?

— Да вот приставал к одному гражданину, когда шли на парад. Взял его с собой. А теперь зашли пообедать, хотя немного и рановато, ну, да ничего!.. Так что будем есть, Илюша? «Суп, бульон с пирожками»,— читал Илья Николаевич карточку.

— А щи есть? — спросил мальчик.

— Даже со свежей капусткой, — с улыбкой сказал официант.

По всему было видно, что старику-официанту очень понравилось знакомство знатного гостя с мальчишкой и он с величайшей готовностью собирался обслужить этих гостей.

— На второе дадите по отбивной. Как ты смотришь на это, Илюша?

— Ваше, дяденька, хозяйское дело. Я могу все есть, — ответил мальчик, сидя на краешке мягкого дивана.

— Ну, а на третье — компот из свежих фруктов.

Старик весело взмахнул салфеткой и проговорил:

— Сей момент. Обслужим самым наилучшим образом.

— Видишь, Илюша, как все быстро образовалось, — и, вынув из бумажника сторублевую бумажку, Илья Николаевич сказал: — А это тебе к празднику. Купишь себе подарок. Понял?

Илюша испуганно отпрянул, в синих глазах появилось величайшее смятение, и он, мгновенно утратив простоту наладившихся отношений, умоляюще проговорил:

— Да не надо, дяденька. Родня, что ли, я вам?

— Возьми, возьми, Илюша. Вот именно род-

ня. Я тоже без отца рос, только в суровое и худшее время.

Старик-официант явился чуть не бегом и тут же засуетился около стола. Он гремел тарелками, вилками, ножами, раскладывая их на столе, салфеткой сбил со скатерти какую-то соринку и, не отрываясь от стола, как бы про себя, все еще удивляясь и качая головой, бормотал:

— Неужели чужой мальчик? Небось, из деревни?

— Из Ивановской области, — сказал капитан.

— Из Ивановской?! — оторвавшись от стола, удивился старик. — Земляк мой! Из какой же деревни?

— Из Петровки! — ответил мальчик.

— Господи ты боже мой! — взмахнув руками, вскрикнул старик.— Уж не андрейкин ли ты сынок?

— Да,— не менее, чем старик, удивился мальчик.

— Боже ж ты мой милостивый! Вот так встреча! — И у старика вывалилась салфетка из рук. Он поднял ее и тихо сказал: — А я смотрю на него и думаю: какое же может быть сходствие? Обличье-то ни дать, ни взять андрейкино, моего крестника. А спросить — ну просто невдомек... Дозвольте, гражданин хороший, поцеловать вашего гостя. Ведь он теперь сиротой остался.

— Но не круглым сиротой! — твердо сказал капитан. — У него есть мать и Советская власть — мать Родина.

Старик отошел от мальчика и, все еще глядя на него, вдруг спохватился и промолвил:

— Да что же я стою? Обед же надо нести. Там еще у меня один номер.— И старик быстро засеменил к двери.

Обед был очень хороший. Илюша и без того не страдал отсутствием аппетита, а тут он так уплетал — за ушами трещало. Он доел компот и спросил, сколько времени.

— Без четверти два, — ответил Илья Николаевич.

— Ой, дяденька, я должен бежать. Спасибо вам за все. — И мальчик стал кланяться.

— Да подожди, Илюша, поговорим еще.

— Извиняйте. Никак не могу. Праздничный обед пропадет. Через пятнадцать минут начнется.

Он схватил свою шинель и, на ходу одеваясь, так стал «нарезывать винта» по лестнице, что полы шинели развевались, как на сильном ветру.

— Будь здоров, Илюша! — с перил кричал ему вслед капитан. — Учись как следует!

...На следующий день вечером Илья Николаевич собирался пойти в театр. До спектакля оставалось около часа, и он сел за письменный стол почитать книгу. Книга оказалась скучной, неинтересной. Он положил ее на стол и откинулся на спинку кресла. Вспомнил вчерашнего мальчика, улыбнулся и пожалел, что не взял его адреса. Теперь он исчез в большом городе, как рыба, нырнувшая в океан,— пойди найди его!

«Вот черт возьми! Вроде как будто и скучно стало без него», — подумал Илья Николаевич.

Вдруг послышался звонок. Капитан взял телефонную трубку: «Слушаю...» Но никто не отвечал. «А не мальчик ли звонит? Может, не решается заговорить?» — подумал он и сказал в трубку:

— Илюша! Я слушаю!

В это время раздался стук в дверь.

Илья Николаевич прошел к двери и, когда открыл ее, очень удивился. У двери стоял мальчик. Рядом с ним старый официант.

— А, старый знакомый, здравствуй! — радушно сказал Воронов, протягивая мальчику руку. — Раздевайся!

— Да он все не решался постучаться к вам, — сказал официант и, извинившись, что нужно обслужить соседний номер, вышел.

Мальчик был сам не свой. На лице — скорбь и страдание. Из глаз вот-вот брызнут слезы. Он повесил свою шинель и вялой походкой, поддерживаемый капитаном за спину, молча прошел в гостиную. Едва он сел на краешек дивана, как слезы вырвались наружу и полились ручьем по его щекам.

— Илюша, что с тобой? — участливо спросил капитан.

— Водички можно? — попросил он.

— Конечно, можно, пожалуйста.

Мальчик сделал несколько больших глотков и постепенно стал овладевать собой.

Он молча достал из кармана что-то завязанное в носовой платок и неторопливо извлек сторублевую бумажку. Подавая ее капитану, он тихо сказал:

— Дяденька, возьмите эти деньги обратно. Воришкой я прослыл из-за них.

— Подожди, подожди, что ты говоришь?!

— Никто не верит, что это вы мне дали. Второй день житья мне нет из-за этого. Возьмите их.

И вдруг мгновенно до сознания капитана дошло, что этот факт мог действительно показаться маловероятным. Капитан как-то растерянно смотрел на мальчика, держащего на весу бумажку, и сразу не находил нужных слов.

Мальчик положил деньги на стол.

— Знаете, как худая слава бежит за человеком? Она испортит всю мою специальность, — всхлипывал мальчик.

— А что же они говорят? — спросил капитан.

— Перво-наперво, в колонне праздничной я не был. И когда я рассказал, где я был, они подняли меня на смех. Окружили вот так, кольцом. Один скажет хорошо, а другой еще хлестче. Илюшка, говорят, намастачился врать, как заправский брехун. Другой орет, что Илюшка скоро начнет говорить, что он с министрами обедает. Одним словом, не верят, и все. Что ни скажу — хохочут. А насчет денег допрашивают: ты у него стянул сотенную? Ты, небось, говорят, стибрил эти деньги. На все училище пошли такие разговоры. — И, махнув рукой, он со всем отчаянием сказал: — Не будет мне жизни теперь.

Илюша приложил платок к глазам, собирая слезы, которые опять полились по щекам.

Капитан стоял около него со стаканом воды.

— На, выпей, Илюша, глоток и успокойся. Ничего страшного в этом нет.

Мальчик отнял платок от лица и, глядя на капитана мокрыми глазами, с горечью сказал:

— Как же нет ничего страшного?

— А так, очень просто. Это дело вполне поправимо. И знаешь, как?

— Как?

— Я вот возьму, да и поеду к вам в училище вместе с тобой.

— Правда, дяденька? — обрадовался мальчик.

— Конечно, правда. Мне слова не положено на ветер бросать. Далеко ваше училище?

Мальчик вскочил с дивана и торопливо проговорил:

— Нет, рукой подать. Четыре трамвайных остановки. А на пятой выйдем. Как раз к ужину попадем. Все будут в сборе.

— А если, Илюша, мне потом минут на сорок затеять у вас рассказ всем ребятам, как я плавал по морям и океанам? Будет интересно им?

Широкая улыбка озарила лицо мальчика.

— О, дяденька, это будет большущий праздник для всех!

— Вот и отлично! Так и сделаем. Только, Илья Андреевич, давай заранее договоримся об одном: деньги эти забери и не обижай меня. А если это может показаться тебе за подачку, то условимся так: ты вернешь мне их из первой твоей получки. Ясно?

— Ясно, — сказал мальчик, забрал деньги со стола и сунул их в карман.

— И второе условие: больше не зови меня «дяденька», а зови — Илья Николаевич. Как будто мы с тобой сроду знакомы.

Мальчик улыбнулся и кивнул головой в знак согласия.

Капитан взял телефонную трубку.

— Диспетчерская? Машину мне.

Они надели шинели и пошли вниз. Мальчик не шел, а летел, как на крыльях. Лицо его сияло, и от радости он не мог говорить.

Капитан Воронов открыл дверку «ЗИСа» и сказал:

— Пожалуйте, Илья Андреевич!

— Ох, и утру я им нос! — покачивая головой из стороны в сторону, со смаком сказал мальчик.

Из альбома чехословацкого художника

Бригадир колхоза имени Сталина Зариф Джабиров.

Молодой словацкий художник Людовит Илечко давно проявляет большой интерес к жизни Советского Союза. Это сказалось в его серии иллюстраций к роману «Жатва» Г. Николаевой. Книга вышла на чешском языке в пражском издании «Свет Советов». В интересных рисунках Илечко много удачных находок, выразительны образы Василия Бортникова, Фроси, бабки Василисы.

Однако художник не был удовлетворен своей работой. Ему хотелось самому увидеть жизнь колхозного села, просторы русских полей, подкрепить свой интерес живыми впечатлениями.

Недавно Илечко получил эту возможность. Он прибыл в Советскую страну в составе делегации Союза чехословацко-советской дружбы. Надо было видеть сияющую улыбку Людовита Илечко, когда он вышел из приземлившегося самолета, чтобы понять, как много значит для него это событие.

В Москве Илечко повидался со многими художниками, побывал в Третьяковской галерее, которая произвела на него огромное впечатление.

Одним из его маршрутов по Советскому Союзу была поездка в Таджикистан. Здесь Илечко успел сделать очень много рисунков. В его альбоме есть совсем беглые наброски, есть кропотливые, подробно разработанные и законченные рисунки, но и в тех и в других чувствуется острый и внимательный глаз художника, большая теплота, с которой он передает образы своих новых друзей.

Собранные талантливым художником впечатления и наблюдения послужат ему ценным материалом для дальнейшей работы.

О. ВЕРЕЙСКИЙ

Мамлакат Нахангова.

На заводе имени Орджоникидзе. Рабочий С. Зипула.

Дом отдыха в Сталинабаде.

ЗАПЕВ

Утренний рапорт.

Г. РАДОВ

Фото Б. Кузьмина.

А этих пока не приняли в бригаду: нужно лучше учиться.

Паром, отвалив от берега, пересек стремительную, пенную Кубань, и мы оказались на земле Ставрополья. Живописным поясом окаймлен этот суховейный край. Природа, как бы не желая огорошить путника, не торопится открывать перед ним безводную степь, а сперва угощает зарослями орешника, влагой прикубанских пойм, яркой зеленью. Но вот машина, исхлестанная ветками, вырвалась на простор, впереди на круче обозначились светлые строения станицы Григориполисской, слева побежал невысокий крашеный частокол, мелькнул белый дом, за ним мачта, флаг, арка и вывеска...

— А ну, тормозни! — насторожился наш спутник, председатель кубанского колхоза Ф. П. Гончаров.— Что за вывеска? Прочитаем...

«Тормознули» и прочитали: «Школьная комплексная бригада № 9 колхоза имени Сталина».

— Ах, сатана! — Гончаров ахнул, тревожно оглянулся.—Школьная комплексная?! Еще новости! К чему?! Ох, Лыскин...

Отправляясь с группой кубанцев в станицу Григориполисскую, признаться, и я не рассчитывал на эту вывеску. Ехали за другим. Гончаров затеял постройку птицефабрики, и мы собрались к Лыскину, председателю здешнего колхоза, глянуть на образец. Но так уж действуют григориполиссцы: только поспевай за ними следить... Десять тысяч гостей посетило за два года этот колхоз, и многие экскурсанты встречали здесь новшества. Первые в стране комплексные бригады... Хозрасчет... Образцовейший свинооткорм... Что ни год, новинка! И в этом году григориполиссцы одарили колхозный мир тремя новинками: пустили первую колхозную птицефабрику, соорудили и открыли в Кисловодске санаторий для колхозников и, вот, пожалуйста, первые основали школьную комплексную бригаду...

А началось буднично: биологам Григориполисской школы показался мал пришкольный участок. Будь в колхозе и в школе руководители средненькие, недальновидные, все бы свершилось иначе: расширили бы участок, и дело с концом. Но, на счастье, колхозом руководит человек замашистый, смелый и, что бы ни говорили о нем ревнивые соседи, председатель с острым чутьем, умеющий в самом лучшем смысле оседлывать злобу дня. На счастье, и в станичной школе оказались убежденные приверженцы Антона Семеновича Макаренко и его системы воспитания. Сошлись все вместе: члены правления колхоза, бригадиры, учителя, партийные и комсомольские работники и задумались: да верно ли мы их воспитываем, колхозных ребят? Не опасно ли то, что хлопец или дивчина до окончания десятилетки, до совершеннолетия, не ведает ни агрономии, ни зоотехнии, не знает толку в машинах и, не успев полюбить свой колхоз и крестьянский труд, торопится покинуть станицу?.. Не опасно ли то, что из выпускников своей десятилетки колхоз не получил ни одного бригадира, ни одного механика и животновода, а пробавляется кадрами практиков, людей хороших, но пожилых и порой малограмотных, которые, того и гляди, «выйдут в тираж»,— и нет им замены...

Так, в раздумье, и родился девиз: не кустарничать! Оставить пришкольный участок для учебных опытов, а помимо этого основать питомник колхозных кадров—

Анатолий Любивый — заместитель бригадира.

новую, девятую по счету комплексную бригаду из старшеклассников... Нарезать ей земельный участок, дать машины, скот, раскошелиться — построить ребятам отменный бригадный стан, выделить в помощь молодому бригадиру учителя и агронома...

Это было в апреле, и уже через неделю на пустыре в пойме реки хлопотали плотники, каменщики, урчал бульдозер, а в школе комитет комсомола отбирал добровольцев. Двести станичных мальчиков и девочек записались в бригаду, но комсомольцы, учителя и правление отобрали сто десять. И Николай Фаддеевич Лыскин торжественно перед активом станицы вручил каждому трудовую книжку, а комсомол — путевку «целинного» образца. С тех пор что ни утро, под прикубанскими кручами поет пионерский горн, сотня загорелых школьников, равняясь на флагшток, замирает на линейке. Застенчивая девятиклассница бригадир Нина Самойлова негромко командует:

— На флаг! Звеньевые! Подготовиться к сдаче рапортов... Звеньевая первого звена Шалимова, сдать рапорт!

Что-то есть в этом от Антона Семеновича Макаренко — в четкости распорядка, строгости, подтянутости и красоте церемоний. Но только ли в этом? С Ниной Самойловой и дежурной звеньевой Аллой Шалимовой, полнощекой бойкой девочкой, мы обходим бригадные владения... Огромная пойма, целина, окультурена ребячьими руками. Журчит, перекатываясь через камешки, вода в каналах; нежатся под солнцем помидоры; кукуруза горделиво вскинула метелки; склонились увесистые шляпки подсолнухов... И что ни участок, то таблица: первое звено... второе звено... сорт... гибрид...

Посевы приличные, урожайные, но думается не о них, а о ребячьих руках... Нет, не будем грешить: среди станичных детей белоручки вырастают значительно реже, чем в городе: почва не та. И все-таки и в станице детская публика довольно пестра... В одно звено попали: и девочка из многодетной семьи, выросшая без отца и в двенадцать лет оказавшаяся старшей помощницей матери-свинарки, и единственная дочка станичного руководящего товарища, девочка капризная, изнеженная, с тонкими, прозрачными пальцами. И тут же оказался «ненаглядный Левушка» — сын докторши, красавец, танцор, чистюля, речистый, способный, но ленивый до последней крайности: все из рук вон... Разные дети, а дело общее. Как же все это сладилось? Надо заметить: школа умно, не по-чиновничьи выбрала воспитателя в девятую бригаду. Калерия Пшеничникова по профессии не биолог, а математик, учительница молодая, вдумчивая, веселая. Пожертвовав своим отпуском, она весь сезон провела с детьми. Конечно же, было всякое: и озорство, и ссоры, и еще по-детски понятое соревнование. «Не буду больше работать: почему я не на доске почета?» Были и самолюбивые трудные слезы: «Нине хорошо: она с детства полола, а я не умею. Что же, я виновата?» Были и нотации бригадира, и шумный, суровый совет звеньевых-командиров, и происшествия, и проступки, и такое, о чем нас просили не говорить вслух, но из песни слова не выкинешь,— постыднейшая пропажа часов у агронома, пропажа, после которой Пшеничникова ночь провела без сна, готовясь к разговору с детьми...

Но было и другое: ребята всю весну и лето провели вместе. Не в шалостях, а в общем и порой нелегком труде. В школе они дружили по классам, тут, в звеньях, сошлись вместе десятиклассники с семиклассниками. И, конечно же, трудясь локоть к локтю, они примечали, как спокойна, деловита и распорядительна застенчивая в школе Нина Самойлова и как хорошо, что мать Клавы Самохиной с малолетства приучила дочку к работе. У хохотушки, бойкой, веселой Клавы дело поет в руках. Они присматривались к порывистой, мечтательной Нине Шуриновой и замечали, что эта девочка удивительно настойчива, властна, по-взрослому рассудительна. Мальчишки оценили мешковатого с виду Сережу Астахова — первого труженика и футболиста — и привязались к заместителю бригадира Толе Любивому, высокому, статному хлопцу с красивыми, умными глазами. Вся бригада увидела, как он заботлив к родным, этот задумчивый хлопец: в жару, когда матери было трудно ходить по станице, сын заменил ее на службе, и он же отправился за двести километров встречать студентку-сестру, обеспокоенный тем, что ей будет трудно сесть в поезд...

Новые авторитеты открылись перед ребячьими взорами, а старые поблекли. Первый озорник, дерзкий, избалованный парень, за которым толпой ходили мальчишки, любуясь его манерами, в бригаде оказался лентяем, неумелым и нестойким, и почитатели мигом отвернулись от него. И хотя меру влияния лучших, да и перемену в характерах не взвесишь так, как сейчас взвешивают кукурузу, добытую девятой школьной, все-таки и родители и учителя говорят: да, они уже есть, эти перемены. Замкнутый мальчик раскрылся, стал общительнее, дерзкий — сдержаннее. И загрубели, окрепли пальчики на руках у единственной дочки районного работника. А в августовский полдень к Пшеничниковой примчалась мать Левушки и объявила с порога:

— Левушка моет полы!

— Ну и что ж,— улыбнулась Пшеничникова,— они у нас все моют...

— Но Левушка, Левушка!..

Она стояла растерянная и озадаченная, эта пожилая серьезная женщина, отдавшая жизнь людям и не успевшая воспитать сына, стояла и благодарила Пшеничникову, хотя, конечно, не Пшеничникова повлияла на Левушку. Детский коллектив, звено, бригада, труд каждодневный— вот что коснулось левушкиного характера и сделало на нем первую отметку...

Бригада создавалась в конце учения, наступали экзамены. Уже поднялись на пустыре бригадный дом, столовая, спальня, а в школе спорили: как поступить? Прикрыть бригаду до выпускного вечера и открыть ее лишь на лето? Взволновались и родители: как же это перегружать детей накануне экзаменов? А тут, как на грех, восьмиклассница увлеклась бригадными помидорами, забросила тетрадки, получила две двойки, ее, заплаканную, отправили с линейки домой, а по станице пополз слушок: детям мешают учиться. И вот случилось то, что сейчас берут под сомнение скептики: школьники, отстаивая честь бригады, решили сдавать экзамены «без отрыва от производства». На звеньевых участках поднялись, пошли в рост подсолнухи, кукуруза, зацвели огурцы. После полива ринулись вверх сорные травы. Как же можно было бросить все это? И вопреки разрешению председателя ребята не покинули поле. Как и в обычное учебное время, в дни экзаменов каждое звено появлялось в поле на два часа. Над грядками звенели голоса:

— Нина, родненькая, что в двадцать третьем билете?

— Девочки, быстренько, образ Онегина...

Они сдали экзамены лучше, чем в прошлом году, эти занятые, «перегруженные» дети, и единственная двоечница, урегулировав

«Чье звено лучшие початки вырастило?»

Первая трудовая книжка.

Людмила Кораблинова.

конфликт с теоремами, посветлевшая, гордая, заняла место в общем строю. Труд не помешал учению...

Нет, были и еще сомнения. Каждодневная, будничная полевая работа, как она увлечет детей? Не прискучат ли им знакомые, кажется, с детства прополки, прорывки, уборки? Нет, не прискучили!

Труд осмысленный — вот что их увлекло. Агроном (МТС не пожалела, отдала его детям) шаг за шагом вел школьников по агрономии...

— Вот вам семь сортов тыквы. Понимаете, зачем семь? А картофель сажают вот как. Почему? Мамка не говорила? Смекай... А это гибрид кукурузный. Почему он хилый? Э, посмотришь, что из него получится... А подсолнечник доопылим. Зачем? Вот смотри...

Своими руками, со смыслом, с понятием ребята создали гибридные семена, доопылили подсолнечник, своими глазами оценивали сорта.

А теперь удивляются, задумываются: до чего же это, оказывается, сложная и тонкая штука — сельское хозяйство: смотри в оба, сообразуйся с погодой, рискуй, дерзай, выдумывай! Вот так «будничная» колхозная работа!..

— Я в киноинститут собирался,— усмехается Толя Любивый.— Заладил мамке: в кино и в кино... Не-ет, подумаю...

— Семь пятниц у тебя на неделе! — смеются девочки.— То в кино, а теперь? В Тимирязевку, как Нина Самойлова? А может, в колхоз?

— Не знаю, не знаю,— важно качает головой хлопец,— может, еще и в колхоз. Подумаю...

Нет, нельзя преувеличивать: полгода жизни бригады не изменили устремлений ребят. Как и раньше, все выпускники станичной десятилетки ринулись в города, в институты, и лишь те вернулись в колхоз, кто не выдержал экзамена. Но дух беспокойства уже ворвался в ребячьи головы. Как-то вечером, когда уже туман стлался над Кубанью, а на веранде бригадного дома играла радиола, из зарослей орешника донеслись раздумчивые голоса:

— А если так: из десятого в трактористы, а потом в заочный институт...

— Зачем тебе институт? Крути баранку.

— Нет, хочется.

— Если бы у нас вечерний открыли...

— Откроют! Техникум вон открыли и институт откроют. Николай Фаддеич Лыскин! Он откроет!

— Нет, мальчики, а я бы на птицефабрику нашу пошла. Чистота! Маши-ины... Куры по клеткам...

Внесен, внесен дух беспокойства. Спорят: всем ли он нужен, институт? А кто же на комбайн, на трактор, на ферму? Тот, кто не выдержит? Значит, выходит, в институты — способных, а в трактористы — неспособных? А что же это за тракторист неспособный? Вон Герои, с Золотой звездочкой, что же, они неспособные? А не лучше так: из школы на трактор, а уже лучших трактористов посылать учиться на инженера?! Спорят, шумят, теребят взрослых...

А только ли в этом дело? Ведь, скажут скептики, агрономию дети могут познать и на уроке биологии и на пришкольном участке. Но ведь девятая школьная — такой же кормилец колхоза, как и восемь «взрослых» бригад. В этом весь смысл! Пусть не так велика доля бригады в колхозном доходе, но она определена, и ребята за нее ответственны. У девятой школьной план, и земля, и сады, и жесткий лимит трудодней, и задание по урожаю и валовому сбору. Все всерьез, все не «нарочно»! Как и в других бригадах, звенья соревнуются, и на доске почета фотографии лучших. И трудодень ребячий, как и трудодень взрослых, оплачивается в зависимости от урожая. Без всяких условностей школьников приобщили к труду общественно-полезному! И когда грузовики увозят помидоры, подсолнух, кукурузу, выращенные ребячьими руками, как же зорки звеньевые! С какой иногда уморительной недоверчивостью следят крохотные сдатчики за весами, накладными, за манипуляциями кладовщиков! Как же: план выполняется! И как яростно они гоняли с участка любителей полакомиться бригадным добром, как неутомимо дежурили по ночам! Ответственность перед колхозом, уважение к общественной собственности, цену плодов общего труда — вот что познают дети в девятой школьной...

Впрочем, они и сами неплохо заработали. Правда, григорипольские — вообще-то народ обеспеченный, их не удивишь шестью — семью сотнями рублей, трудодень в колхозе весомый. Но вот мы встретили в сельмаге Толю Любивого; он выбирал туфли—добротные и довольно дорогие для мальчика туфли.

— Гляньте, гляньте,— зашептала моя соседка, колхозница,— вы гляньте, как подошву пробует. Что значит за свои покупает, не за мамкины...

— Не обижай! — заметила другая женщина.— То хлопец славный, он и мамкины бережет...

— А моя не бережет,— вздохнула соседка.— Сколько ни дай, мало... Кабы она знала, как они достаются, гроши...

— А ты ее в школьную бригаду пошли. Там научат...

— Пожалела: слабенькая она...

— Жалела одна такая — и выросла не дочка, а хто зна що! Пошли! Глянь, какие они, бригадные...

Да, они поздоровели за лето, загорели, налились силой. Летом трудовой день в девятой начинался линейкой в семь часов утра, а с часу и до шести вечера вся бригада купалась и бегала взапуски, благо рядом Кубань, и песок, и затененные лужайки... А потом еще час труда, а после вечерней линейки и спуска флага допоздна пляски под радиолу, и шахматные бои, и спевки, и тренировки футбольной команды... А между двумя прополками ребята на колхозном автобусе ездили в Ставрополь, в Кисловодск, в Пятигорск, в Минеральные Воды... А пятерых лучших тружеников во главе с Ниной Самойловой колхоз посылал в Москву на сельскохозяйственную выставку...

За неделю до первого звонка колхоз устроил для детей небольшой праздник — день первого бригадного урожая. Окруженная толпой отцов, матерей, младших братишек и сестренок, выстроилась у флага девятая школьная... Нина Самойлова скомандовала «смирно», подошла к Лыскину.

— Товарищ председатель колхоза! — зазвучал на ветру уверенный напевный голос.— Рапортует бригадир девятой бригады... План урожайности колосовых перевыполнен, собрано по восемнадцать центнеров с гектара, идет уборка овощей... Подсолнух обещает не меньше двадцати пяти центнеров. Кукурузы соберем пятьдесят...

Переглянулись взрослые, шепоток колыхнул толпу: какие шустрые, пятьдесят! Вот вам и детвора...

Потом говорил Лыскин.

— Дарим вам духовой оркестр! — объявил он и поднял руку.— Погодите, это не главный подарок... Правление постановило построить в бригаде колхозный Дом пионеров...

Он стоял на небольшом возвышении, смотрел вдаль, в сумеречную степь, и короткими, ясными фразами громко и внятно рисовал ребятам завтрашний день девятой школьной... Да, Дом пионеров построит, не поскупится колхоз, но особенный Дом — с сельскохозяйственным уклоном: мастерские, кружки, машины, опытные участки. И прирежет еще земли, и поставит образцовый скотный двор, и свинарник, и птичник, и посадит виноградник — все по последнему слову науки.

— У вас будем испытывать все новое, все передовое! — сказал он и посмотрел на ребят.— У вас испытаем и на вашем опыте научим взрослых...

Теперь дети переглянулись: он не обмолвился, председатель? На опыте детей учить взрослых? Лыскин заметил волнение.

— А как же? — спросил он.— Пока вы подрастете, колхоз во-он куда шагнет! К чему же вас пичкать смолоду стариной? Нет, все новое — к вам! Передовое — к вам! Старайтесь, учитесь. Вы наша смена... Кому после нас колхоз вести? Вам вести...

Он поздно окончился, праздник. Ребята танцевали, пели, угощались арбузами, виноградом. А те, по чьим думам создана бригада,— Н. Ф. Лыскин, заведующий учебной частью школы Б. К. Смирнов, директор школы Г. А. Ладыгин, К. А. Пшеничникова, директор МТС Н. И. Синякин,— сойдясь в кружок, толковали о завтрашнем дне... Они шли нехоженой тропой и, конечно, многое еще не додумали в первое время. К ним уже ездят учиться, а у них самих много нерешенного. Ну, ясно же, бригада еще мало опытничала в первый сезон, надо связаться с центральной станцией юннатов, дать звеньям научные задания. И трактористы свои нужны, и шоферы, и комбайнеры. Зимой создать кружки, обучить... Ква-ли-фи-ка-цию дать каждому! Чтобы из школы выходил с квалификацией. И учетчиков подготовить, а то алгебру знают, а трудодня начислить не умеют. И больше, больше экскурсий...

Все задумались, глядя на ребят.

— Ядро школы! — определил Смирнов.— Из них, из «бригадных», будем теперь выбирать вожатых, старост, членов учкома, членов комитета. Закалены, проверены...

Лыскин прищурился, усмехнулся:

— То правда, вожатых, старост... А я вот гляжу подальше: где-то тут они, мои бригадиры, ходят завтрашние, а? И животноводы и строители. А может, тут и председатель?! А? Смена!..

Как-то раз мы засиделись в кабинете у Лыскина. Уже прозвучал первый школьный звонок, девятая бригада, как и весной, перешла на двухчасовой рабочий день; снова настали будни... Председатель только вернулся с поля, был озабочен массой хозяйственных неурядиц, сердит, и, когда разговор коснулся детей, Лыскин тряхнул головой, как бы желая отогнать от себя все текущее, преходящее...

— Эх, хоть пару бы месяцев побыть учителем! — завистливо сказал он и нахмурился.— Времени нет!

На столе председателя лежал томик А. С. Макаренко «Педагогические сочинения». Последняя речь великого педагога, произнесенная перед учителями за два дня до кончины. Чеканные, полные глубочайшей убежденности и страсти слова: «Я теперь буду бороться за то, чтобы в нашей советской школе должно быть производство. Тем более буду бороться, что труд детей на производстве открывает многие воспитательные пути... Я настаиваю и буду настаивать на том, что такие условия должны быть созданы в школе».

— Будут споры... — задумчиво сказал Лыскин.— Еще будут споры...

Да, будут! В те же дни один из участников нашей первой поездки, кубанец, второй секретарь райкома партии Л. М. Минаев, вторично явился в Григорипольскую и привез с собой директоров школ района. Пожилые, многоопытные учителя дотошнейше выспрашивали у К. А. Пшеничниковой и Б. К. Смирнова: как все это затеялось? Не утомлялись ли дети? Что говорили родители? И хотя все директора в общем согласились с тем, что школьная бригада — удачнейшая форма приучения детей к труду, политехнизации и воспитания, все-таки по брошенным вскользь взглядам и недоверчивым репликам можно было понять: да, вокруг этого громкого запева еще разгорятся споры! Найдутся сторонники, найдутся противники, и, вероятно, отыщутся унылые мужчины и дамы, которые, не сказав ни «да», ни «нет», попробуют заморозить новый росток.

Так бывает. И не зря старый учитель-кубанец отвел в сторону К. А. Пшеничникову, осведомился озабоченно:

— Какие у вас были гости? Учителя? Партийные и комсомольские работники? Так... А из Академии педагогических наук, извините, никто не заезжал? Не приезжали? Ишь ты! А потом, небось, кинутся обобщать, изучать, писать диссертации...

Пусть обидятся на старого сурового учителя работники Академии педагогических наук, но, ей-же-ей, это факт: даже младшего научного сотрудника не прислала академия в школьную бригаду в первый сезон ее жизни... Не прислала, хотя в Григорипольской плохо ли, хорошо ли, мелко ли, глубоко ли, но на деле, практически решается острейшая проблема нашего времени, волнующая народ...

А он звучит, запев дела великого, и волны от него расходятся по Кубани, по Тереку, по Салу, по Дону...

Ст. Григорипольская,

Ставрополье.

Н. В. Денисов. В. И. ЛЕНИН.

Выставка «20 лет студии военных художников имени М. Б. Грекова».

П. П. Соколов-Скаля. ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

Панно. Главный павильон ВСХВ.

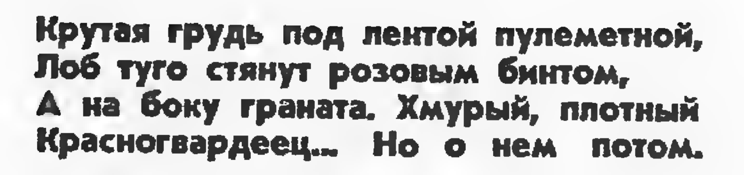

В. А. Серов. В. И. ЛЕНИН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

Октябрьская ночь

Константин ВАНШЕНКИН

Рисунки А. КОКОРИНА.

Крутая грудь под лентой пулеметной,
Лоб туго стянут розовым бинтом,
А на боку граната. Хмурый, плотный
Красногвардеец... Но о нем потом.

О нем потом... Как тянутся минуты...
Какая тишь!.. В квартире ждут гостей,
Ждут новых указаний и валюты,
Ждут новых утешительных вестей.

Еще с утра отпущена прислуга,
Или сама ушла — не разобрать.
Неясный шум едва коснулся слуха:
То движется неведомая рать.

И женщина, пройдя по коридору,
Не в силах любопытство превозмочь,
Чуть отогнула бархатную штору
И заглянула в пасмурную ночь.

Кокетничая (так, на всякий случай),
Сверкнула перстнем дивной бирюзы.
— Взгляните, друг! Какие в небе тучи...
Все как-то странно... Не было б грозы...

Как надоело женское ломанье,
Но он воспитан, черт бы их побрал!
И он встает, весь чуткость и вниманье,
Прямой, в цивильном платье генерал.

И он встает, расстроенный немного,
Сухой, лощеный. Баки в серебре.
И говорит: — Помилуйте, ей-богу,
Какие, право, грозы в октябре!..

И лишь сказал, — над темным Петроградом,
Над мрачною, холодною Невой,
Над площадями и над Летним садом
Все осветилось вспышкой огневой.

И страшный гул прошел по кабинету,
Качнул столы. Да что там кабинет!
Гул захлестнул, казалось, всю планету,
И для него уже преграды нет.

Он рос, ему и стены не помеха,
Пришла его желанная пора.
И это было, кажется, не эхо,
А дальнее, протяжное «Ура-а!..»

И сразу — кровь от щек у господина,
На вялом лбу испарина видна.
Задернута тяжелая гардина.
И нервный голос: — Дует от окна...

То ветер дул победы и свободы,
Раскачивая флаги в полумгле.
То революционная погода
Установилась прочно на земле.

То ветер дул, гудел над всей страною,
Он возвещал рожденье новых сил,
Он призывал: «Прощайтесь с тишиною!»
Он выстрелы и песни доносил.

Он доносил железный грохот моря
И по камням тяжелый топот ног...
И вдруг возник — сначала в коридоре,
Потом в гостиной — режущий звонок.

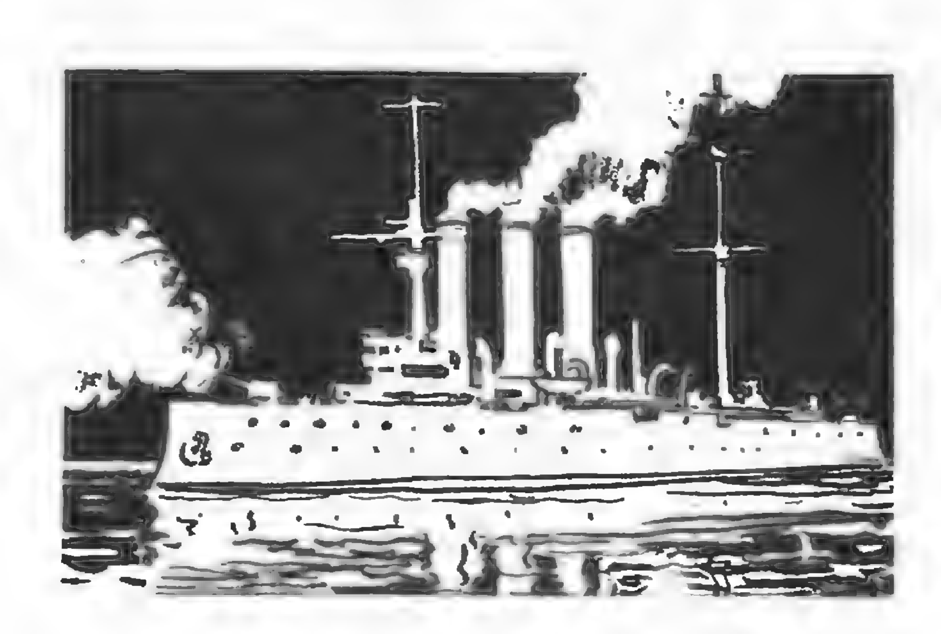
...Крутая грудь под лентой пулеметной,
Лоб туго стянут розовым бинтом.
Красногвардеец невысокий, плотный
Застыл в своем обличии простом.

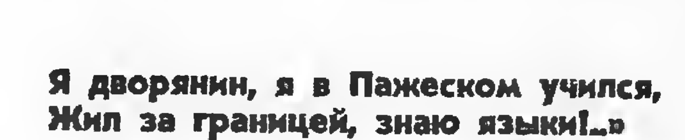
А за его спиною в полумраке,
Как будто сквозь туман, издалека,
Примятые солдатские папахи
И жесткое мерцание штыка.

Стоят два мира. Молча смотрят в оба.
Как много значит этот взгляд немой!
Здесь, в комнатах, — отчаянье и злоба,
Там — совесть революции самой.

Уже не могут взгляды быть иными.
Всего лишь миг глядят они в упор.
Но долог этот миг! И между ними
Безмолвный происходит разговор.

Безмолвный вопль: «Я в битвах отличился,
Я ко двору был близок, мужики!

Я дворянин, я в Пажеском учился,
Жил за границей, знаю языки!..»

В ответ — огонь на площади Дворцовой,
В ответ — глаза спокойные остры.
В них небосвод над Питером свинцовый
И у застав горящие костры.

И не укрыться в кабинетной нише.
...А тут еще солдатский тенорок:
— Зайдемте, познакомимся поближе,
А то негоже так, через порог...

...Над улицами головы и плечи,
Колышется и движется толпа,
И говорятся пламенные речи
У каждого фонарного столба.

— А Ленин невысокого росточка,
Я в Смольном был, я видел, вот не вру...
— Ну, как, браток!
— Теперь буржую точка...
И голоса дробятся на ветру.

— Теперь домой поедем...
— Нет, едва ли...
(Светает. Где-то выстрелы вдали).
— Еще немало в мире всякой швали,
Гляди, двоих каких-то повели...

...Над Смольным флаг.
Стоит матрос у входа.
И тьма уже шарахается прочь.
Святая долгожданная свобода!
Октябрьская решительная ночь!

КОРОЛЕВСКАЯ НАГРАДА

Рассказ

Из цикла «Далекие друзья»

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунок В. Высоцкого.

Когда доводится выступать перед незнакомой аудиторией, прибегают иногда к такому приему: возьмут на прицел двух — трех слушателей и по их лицам следят за тем, как доходят слова, воспринимаются ли они, или плывут мимо ушей, не проникая в сознание.

Мне предстояло сделать доклад о нашем послевоенном гидротехническом строительстве на собрании докеров в английском городе Саутгемптон. И хотя организаторы собрания — руководители местного отделения общества «Англо-советской дружбы» — всячески уверяли меня, что такой доклад будет с интересом выслушан, мне самому тема казалась очень далекой от насущных интересов аудитории. Поэтому, усаживаясь на сцене за столом президиума, накрытым, как скатертью, английским и советским флагами, я сразу высмотрел в публике двух очень разных людей, к которым и решил адресоваться: юную, белокурую курчавую девушку с большими голубыми глазами, осененными длинными ресницами, и сухощавого джентльмена неопределенных лет, сидевшего рядом с ней.

Пока председатель собрания, грузный докер с волосатыми руками, на которых подкрахмаленные манжеты выглядели как наручники, гудящим басом приветствовал советских гостей и говорил хорошие, искренние слова о великой и удивительной стране, про новостройки которой леди и джентльмены прослушают сейчас доклад, я рассматривал тех двух, с кем, как казалось, предстояло сейчас вести сложную беседу, кого очень хотелось заинтересовать, расшевелить, увлечь рассказом о творческом труде и сокровенных мечтах нашего народа. Чем внимательней я приглядывался к этим двоим, тем больше убеждался, что выбор, вероятно, сделан не очень удачно.

Я имею в виду не девушку. Нет, девушка была чудесная. Вся подавшись вперед, она как бы жадно впитывала слова басистого председателя, рассказывавшего о том, что он видел в Советском Союзе, побывав у нас с делегацией британских рабочих. Речь его текла медленно. Он перекатывал слова, как булыжники. А девушка смотрела на него, широко распахнув свои ресницы, будто он читал любовные стихи. Нет, не эта милая, восторженная девушка, вероятнее всего коммунистка, а ее сосед, пожилой, одетый во все черное, со строгим, точно выведенным по ниточке, пробором, вызывал опасения.

Тощий, прямой, он сидел неподвижно, положив руки на крюк своей трости. Сухое лицо точно застыло. Глаза были устремлены вперед, но куда-то мимо стола, накрытого флагами, мимо докера, заполнявшего весь зал своим хрипловатым басом. Морщинистую щеку старика кривила улыбка, еле, правда, заметная, но недоверчивая, ироническая. Он совсем не походил на тех мелких провокаторов, каких иной раз в те дни разгара «холодной войны» подсылали на собрания общества реакционные организации. Наоборот, внешность его была очень почтенна. Чему же он так иронически улыбается?

Впрочем, начав доклад, я как-то совсем забыл об этом человеке. Простые люди, наполнявшие небольшой зал, арендованный обществом на этот вечер в городской ратуше, сразу же проявили такой жадный интерес к нашим великим стройкам, будто речь шла не о том, что происходило на далеких Волге, Днепре, Каме, а на родной им Темзе. Сухое, точно каменное лицо и недоверчивая кривая улыбка как бы совсем растворились среди простых открытых заинтересованных лиц, потерялись в дружеских кивках, в восхищенном цокании, то и дело раздававшемся то тут, то там, когда в докладе говорилось о гигантских механизмах, которыми страна вооружила своих строителей, о подвигах советских людей, об их мыслях и мечтах, с которыми они столь смело и беззаветно перестраивают тот огромный кусок земной суши, где расположен Советский Союз.

Есть какая-то особенная волнующая радость наблюдать, как у тебя на глазах развеивается чад многолетней дезинформации и всепобеждающая правда нашего бытия постепенно покоряет даже самые недоверчивые и предубежденные головы. Глаза юной англичанки сияли, как две маленькие голубенькие электрические лампочки. Она зачем-то подняла руку к лицу да так и сидела, забыв ее опустить. Но сосед ее попрежнему был неподвижен. Когда в рядах принимались аплодировать мирным достижениям нашего народа, ироническая улыбка еще отчетливее кривила его лицо, будто бы говоря: «Мели, Емеля, твоя неделя».

Перед тем, как перейти от доклада к обычным на всяком английском митинге вопросам и ответам, организаторы собрания устроили добровольный сбор. Две женщины и молодой парень пошли по рядам, протягивая шапки, и участники собрания начали жертвовать кто сколько мог. Это тоже было обычаем. Известно было, что деньги эти пойдут на оплату арендованного помещения, а остатки — на продолжение работы общества. Но нам, советским людям, выросшим в стране, где все в руках трудящихся, было не по себе видеть, как эти трое с веселыми лицами, позванивая медью и никелем, шли по рядам, победно поднимая вверх и показывая каждую ассигнацию, если такая попадала в шапки.

Когда сборщик, сутулый парень, протянул свою шапку старику, тот ничего туда не бросил. Он даже ничего не сказал. Только улыбка чуть заметнее передернула щеку. Белокурая его соседка судорожно рылась в сумочке. Наконец она вытянула оттуда зеленую бумажку и, видимо, волнуясь, хотела опустить ее в шапку сборщика, но промахнулась, бумажка упала на пол, сквозняччок потянул ее по проходу, пока кто-то из сидевших не придавил ее ногой и не передал сборщику.

Щеки девушки стали совсем багровыми, на переносице выступил пот. Старик не оглянулся, а только, пожевав губами, неодобрительно покосился в ее сторону. И у меня вдруг возникла мысль, не родственники ли они, не эта ли маленькая восторженная англичанка притащила старика на собрание, и не является ли присутствие их обоих здесь продолжением давнего семейного спора. Ну да! Вот как она восторженно смотрит на два флага, разостланных на столе рядом. А он усмехается неприязненно, иронически. Он ничего не пожертвовал для укрепления англо-советской дружбы. А девушка отдала, быть может, последний фунт.

Ну так оно и есть! Вот председатель пригласил присутствующих задавать вопросы. Первой взметнулась худая, костлявая рука старика.

— Скажите, откуда у вас берутся деньги на все эти огромные стройки? — спросил он резким, каркающим голосом.— И хватит ли их у вас, этих денег, чтобы все, о чем вы тут рассказывали, довести до конца?

Аудитория насторожилась, усмотрев, должно быть, в самом этом вопросе что-то неладное. Все лица повертываются к старику. Он сидит в той же позе, сложив руки на крючке своей трости.

Воспользовавшись поводом, я и мои товарищи принялись рассказывать, как строится наш советский бюджет, сколь щедро отпускаются в нем деньги на культуру, быт, образование, на мирные созидательные работы, идущие по всей стране. Собрание улыбалось, качало головами, одобрительно цокало. Наш мирный послевоенный бюджет явно нравился всем этим англичанам и англичанкам. А когда было сказано, какой сравнительно небольшой процент бюджета расходуется у нас на воен-

ные цели, юная блондинка вдруг вскочила и зааплодировала. Ее поддержали. Старик что-то раздраженно начал ей говорить. Ну, конечно же, они продолжают семейный спор! И он не сдается. Он явно что-то задумал. Недаром девушка так беспокойно косится в его сторону.

Вопросы уже подходили к концу, когда он снова поднял руку.

— А не придется ли вам все-таки обращаться за иностранной помощью? — выкрикнул он с места.

Сердитый, недружелюбный шум пошел по залу. Председатель протянул к колокольчику свою волосатую руку, на которой был вытатуирован синий якорь, но не позвонил, а заговорил сам:

— Нет. Бюджет Советского Союза всегда строго рассчитан. Он сбалансирован с превышением доходов над расходами. Мы это все изучали. Леди и джентльмены, ей-богу, я очень бы хотел, чтобы у нас в Великобритании был такой же мирный бюджет.

Смех прокатился по залу. Со всех сторон послышалось: «Йес», «Йес», — что означало и согласие, и одобрение, и сочувствие одновременно. Старик молчал. Он больше не поднимал руки.

А потом, когда собрание кончилось и мы, советские делегаты, прошли на минутку отдохнуть в маленькую комнатку за кулисами, где председатель, как старый морской буксир, дымил трубкой, а две хлопотливые женщины-сборщицы, с величайшей тщательностью пересчитав собранные шиллинги и пенсы, составляли акт, дверь вдруг стала толчками отворяться. Опираясь на палку, с трудом переставляя негнущиеся ноги, вошел сердитый старик. Белокурая девушка вела его под руку. Он направился прямо к нам. Ироническая улыбка, которая в зале была чуть заметна, теперь совсем смяла его щеку, превратила в злую гримасу.

Девушка, поддерживавшая старика, смотрела вокруг растерянно, виновато, умоляюще. Председатель, вопросительно приподняв брови, зажал в кулаке трубку. Кулак задымился.

Остановившись перед нами, зацепив крюк трости за пуговицу жилета, старик что-то судорожно вытаскивал из кармана дрожащей, непослушной рукой. Все молча, с удивлением следили за этой сухой, веснушчатой, непослушной рукой.

Наконец в ладони его оказалась небольшая коробочка в красном сафьяне. На крышке золотом была оттиснута королевская корона. Каркающим, отрывистым голосом старик зачастил:

— Мне кажется, что вы сказали неправду: когда строят дом, всегда подтягивают пояс потуже. Да, да, так говорят у нас в Шотландии. И это неправильно, что вы отказываетесь от иностранной помощи... Дженни, не дергай меня за руку, я все равно скажу этим джентльменам все, что я о них думаю. Я всегда поступаю так, как считаю нужным. Ты же знаешь мой характер.

Это последнее было адресовано белокурой девушке, которая безжалостно тянула старика за рукав черного пиджака, выутюженного с таким мастерством, что тщательно заштопанные дыры на локтях и обшлагах были почти незаметны.

— Моя внучка, — рекомендовал старик. — Эта молодая особа считает, что я выжил из ума и поэтому всегда говорю и делаю одни только глупости.

Девушка протянула маленькую руку, и пожатие ее было гораздо крепче, мужественнее, чем можно было ожидать, смотря в ее голубые глаза, застенчиво и удивленно глядевшие на мир.

— Неправда, я очень уважаю его, и, поверьте, он достоин уважения, — сказала девушка. — Но сейчас дед хочет совершить глупость, и я, господа, заранее прошу у вас извинения.

Она сердито покосилась на коробочку, которую старик держал в руке.

— Да, я хочу отдать это вам. Разве я не могу это сделать? Моя фамилия — Мак-Алистер, докер, бывший докер. Заметьте, докер, а не монополист. Вы можете смело принять от меня маленькую помощь. — Он нажал пуговку, коробочка открылась, и в ней оказалась большая золотая медаль с изображением профиля короля Георга VI. — Я хочу отдать эту медаль в фонд ваших великих строек... Дженни, ты оторвешь мне рукав. Не бойся, это не обидит наших гостей, они же простые парни...

Старик косился на девушку. Щека его все так же кривилась. Улыбка казалась иронической, даже злой. Лающий голос был сердит. Но столько ласки жило в его взгляде! Нетрудно было понять, что девушка эта, — может быть, единственная его радость.

— Дедушка очень увлекается этими вашими стройками. У него над кроватью висит карта. Он вырезал ее из вашего журнала, выходящего на английском языке... А с этой медалью... Я очень прошу, простите его выходку... Видите ли, когда-то, когда у вас только произошла революция, дедушка вернулся домой с войны, из Европы. Он очень храбрый. Его имя записано в почетную книгу полка, хранящуюся в старом Эдинбургском замке. За храбрость он был награжден тремя орденами и многими медалями. И вот когда в те дни докеры стали собирать средства для помощи Советской России, где был тогда голод, он отдал все свои кресты и медали, потому что кроме этого у него ничего не было...

— Это точно. Это я могу подтвердить, хотя я был тогда мальчишкой, — прогудел председатель, выпуская из сипящей трубки новые и новые облака дыма. — Я, конечно, был мальчишкой, но хорошо помню, как все говорили, что сумасшедший шотландец отдал большевикам свои награды. Об этом даже в газете писали. Как же...

— В эту войну дедушка руководил группой противовоздушной обороны здесь, на нашей улице, — продолжала девушка. — Тут бывали иногда страшные пожары. Геринг часто сыпал на нас свои конфеты, когда не мог донести их до Лондона. Ну, и наши люди очень хорошо научились тушить эти пожары. Однажды, когда дедушка извлекал из-под обломков здания раненых, рядом взорвалась бомба замедленного действия. Его контузило...

— Дженни, вы можете добавить, что в этот день под этими самыми обломками погибли ваши отец и мать, сын и невестка господина Мак-Алистера, — добавила одна из женщин, которые, уже успев заактировать сегодняшний сбор, завернули деньги в газету и теперь стояли рядышком, ласково поглядывая на старика.

— И еще надо бы сказать, что, потеряв сына и невестку, господин Мак-Алистер не покинул поста, — добавила другая. — Сейчас у него осталась только внучка, вот она, мисс Дженни.

— Ну, кому это интересно! — перебила Дженни. — Словом, король наградил дедушку этой медалью. Дед всегда очень гордился этой наградой. А сегодня решил отдать ее вам, хотя я ему все время говорила, что сейчас не 1920 год, что все знают, как богата ваша страна, и что небольшой кусочек английского золота вам совершенно не нужен.

— Подожди, Дженни, вы не даете мне рта раскрыть... Да, мы не богатые, весь наш бюджет — моя пенсия и то, что зарабатывает внучка. А много ли может девушка выстукать на пишущей машинке? Но разве я не имею права расходовать свои средства как хочу? Приняли же вы в 1920 году мои ордена и еще поблагодарили. У меня есть письмо. Или с тех пор вы так разбогатели, что вас может обидеть желание бедного инвалида помочь вам?

— Дедушка!

— У нас, слава богу, свобода слова, и я говорю что хочу. Почему я не могу сказать этим джентльменам из Советской России то, что я думаю? Мои мысли не так уж глупы, как это кажется некоторым юным особам.

Сколько ласки было в старческом взгляде, обращенном на эту «некоторую особу»! И как страшно контрастировал этот теплый взгляд с каркающим голосом, со злой, кривой улыбкой, которую контузия, видимо, навсегда приклеила к этому честному лицу.

И как трудно было нам, советским делегатам, с помощью утопавшего в дыму докера, двух женщин и этой белокурой девушки убедить старого, упрямого человека, что за годы, прошедшие с начала революции, страна наша разбогатела и уже не нуждается даже в такой чудесной помощи, как та, которую он предлагал, что лучше будет, если он, скромный герой своего города, станет носить заслуженную награду, доставшуюся ему столь дорогой ценой...

Сообща мы почти силой заставили старика убрать в карман сафьяновую коробочку. Но убедить его так и не сумели.

Идя впереди нас по пустому темному залу, он сердито стучал о паркет резиновым набалдашником своей трости и ворчал себе под нос, что там, где с благодарностью приняли от демобилизованного шотландского солдата его боевые ордена, конечно, уж пригодилась бы и золотая медаль старого инвалида, и что мы, вероятно, порядочные зазнайки, и что у них в Шотландии не принято отказываться от дружеского дара, который преподносится от чистого сердца...

Дженни шла за ним. Лицо ее сияло. Она улыбалась, слушая воркотню деда, повидимому, очень довольная тем, что все окончилось хорошо, что выходка старика нас не обидела и не вызвала обострения отношений между Великобританией и Советским Союзом.

ИЗ ОСЕННЕЙ ТЕТРАДИ

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Стоит золотая осень,
согретая щедрым светом.
И мне как поэту очень
трудно молчать об этом.
Небес голубая чаша
льет теплоты лавину
на тридцать восьмую нашу
славную годовщину.
Совсем ведь недавно лето
в самом разгаре было,
в яркий наряд одето,
пело, цвело, светило.
Стоит золотая осень.
Падают листья резные.
Уже одевает озимь
дали моей России.
Над расписным увалом
рябина горит родная,
трепетным флагом алым
все вокруг осеняя.
И жар молодой рябины,
выросшей в милой чаще,
сливается с цветом любимым
гордых знамен парящих.
Над праздничною Москвою,
над пламенным Ленинградом,
пронзенные синевою,
идут облака парадом.
А по земле нарядной,
к небу
вздымая
трубы,
бурной рекой неоглядной
шествуют трудолюбы.
От Балтики
до Памира
шагают сыны Свободы,
войско труда и мира,
сильной страны народы.
Родина!
Кремль и Смольный!
Край мой с огнем во взоре!
Как мне легко и вольно
дышать на твоем просторе!

Мирный атом

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Рисунки К. АРЦЕУЛОВА.

Атом... Атомная энергия, атомная электростанция, атомная бомба, атомный котел... Ежедневно, ежечасно во всем мире раздаются эти слова.

Недавно ребятишки выставили в Политехническом музее маленькую модель атомной электростанции, которую они сами с любовью сделали в школьных мастерских. Рассматривая творение детских рук, я вспомнил другое...

Почти год назад, проплывая ночью на пароходе возле японских островов, я впервые по радио услышал о пуске на Родине атомной электростанции. Радостный, возбужденный вестью с Родины, я поднялся на палубу. Ко мне подошел много видевший в жизни боцман Илья Прохорович Ольшевский и, показывая загорелой рукой на восток, сказал:

— Смотрите, вон там огни. Это Хиросима... Говорят, что до сих пор каждый седьмой ребенок, рождающийся в Хиросиме, несет на себе следы атомного взрыва.

Первая атомная бомба была сброшена здесь в один из августовских дней 1945 года. Именно тогда американский генерал Гровз, опьяненный успехами нового оружия, потребовал торжественно провозгласить этот день началом атомного века.

А предприимчивые промышленники и владельцы фирм поспешно начали переименовывать ходкие товары. Появились атомные зажигалки, атомные зубочистки, атомный крем молодости и даже атомные киноактрисы. Чего только не придумают люди, когда слово становится модным!

Однако именно нынешний, 1955 год, а не тот, 1945 год, в который взорвалась первая атомная бомба, вписан золотыми буквами в историю человечества. В нынешнем году впервые ученые открыто, в полный голос с международной трибуны заговорили о мирном использовании атомной энергии.

В Женеве заседали за круглым столом сотни выдающихся физиков, биологов, химиков, медиков... Они съехались со всех концов земного шара: из Англии и Америки, из Советского Союза и Индии, из Франции и Германии. Эти ученые имели непосредственное отношение к тому, что происходит в мире за последние годы, к тому, что не дает покоя человечеству, заставляя его устрашаться и надеяться, верить и ненавидеть.

В мире произошло величественное и прекрасное событие. Его хочется осмыслить каждому.

Около миллиона лет тому назад человек с трепетом взирал на лесной пожар, зажженный молнией, еще не зная и не понимая всей силы и могущества огня. Стихийное пламя бушевало перед его глазами, вселяя в него страх и ужас.

Должны были пройти сотни и сотни тысячелетий, пока прирученный огонь не был загнан силой человеческого ума в топку парового котла, в цилиндры двигателя внутреннего сгорания.

Ведь всего лишь два века назад наш великий соотечественник И. И. Ползунов и англичанин Дж. Уатт пустили в ход паровые машины, зависевшие от огня.

С головокружительной скоростью устремилось вперед развитие человечества, овладевшего энергией.

На Женевской научно-технической конференции выдающийся деятель науки Индии Хоми Баба привел несколько ярких примеров овладения этой энергией. За день самого напряженного физического труда человек в состоянии «выработать» всего лишь ½ киловатт-часа энергии. Сейчас на одного жителя развитой страны в среднем приходится в сутки около 20 киловатт-часов энергии — это все равно, что 40 послушных рук начали работать на этого человека.

Уголь, нефть, природные газы — вот основная энергетическая база сегодняшнего общества. Сейчас 80 процентов всей энергии человек получает именно от этих источников тепла. Всего лишь 1,5 процента энергии дают пока бурно входящие в строй гидроэнергетические установки. Единственно существовавшая некогда мускульная энергия составляет теперь менее одного процента.

В своем прогрессе человечество все больше перегоняет в энергию ценнейшие запасы природных ресурсов. Хоми Баба приводит разительный пример. Если принять за условную единицу потребления энергии 33 миллиарда тонн каменного угля, то с начала нашей эры до середины XIX века человечество истратило 9 условных единиц энергии. За столетие, с 1850 года по 1950 год, было уничтожено 5 условных единиц энергии. Стремительное развитие техники и энерговооруженности дают основание предполагать, что в следующем столетии будет использовано уже 10 условных единиц.

Ученые мира расходятся в определении энергозапасов нашего земного шара. Но при всех условиях этих энергозапасов хватит не на бесконечно большое время.

Однако человечеству нечего опасаться «энергетического голода». Уже сказано новое слово в истории освоения принципиально новых источников энергии — атомной энергии. Источники ее практически неисчерпаемы. Запасы только двух видов ядерного горючего — урана и тория — на нашей земле соответствуют около 1 700 условным единицам. Что же касается запасов энергии синтеза, скрытой в термоядерной реакции, то можно смело утверждать, что этой энергии беспредельно много.

Один из моих знакомых, профессор с восторженной душой и неисчерпаемой фантазией, Георгий Осипович Покровский, попытался как-то выразить в образной форме запасы этой энергии. Картина, которую он нарисовал, получилась убедительной и яркой.

Если взять за мерило энергии всем известный нам бензин, то всю энергию, заключенную в угле, нефти, горючих сланцах и газах, скрытых в толще нашей земли, можно было бы представить себе слоем бензина толщиной в 1 сантиметр, который покрывал бы весь земной шар.

Если же пересчитать на бензин запасы урана и тория, которые содержатся в земной коре, то этот условный слой бензина увеличился бы до 100 метров! Если же подсчитать энергию, скрытую только в одном тяжелом водороде Земли, то эта энергия будет равна гигантскому резервуару бензина, диаметр которого соответствует диаметру всего земного шара! Ведь в воде морей и океанов на каждые 10 тонн воды содержится около 2 килограммов тяжелой воды, в основе которой лежит тяжелый водород.

Откуда такая гигантская, ни с чем не сравнимая щедрость природы: бери, используй, купайся в этом океане энергии! Почему только сейчас люди поняли, какое богатство заключено у них под ногами?

Ведь все физические и химические процессы, которые происходили с веществами, — это лишь сложнейшее взаимодействие легкого облачка электронных оболочек атома, окружающих ядро. Вот горит огонь... Ведь только электроны участвуют в этом процессе. Атомы горючего вещества соединились с атомами кислорода, выделяя свет, тепло. А тот основной носитель материи, который был скрыт за легкой оболочкой стремительно вращавшихся электронов — атомное ядро, — не подвергался никаким изменениям. Ведь именно там, в атомном ядре, и содержится предельная концентрация материи вещества, а соответственно и его энергии.

Чтобы представить себе эту концентрацию, можно привести следующую цифру. Если взять 1 кубический миллиметр ядерного вещества и выделить его, так сказать, в чистом виде, то этот крохотный кубик весил бы приблизительно столько же, сколько весят 25 тяжело груженных железнодорожных составов. И поскольку материя неразрывно связана с энергией, можно представить себе, какая же энергия должна быть заключена в ядре атома.

Ныне человечество прикоснулось к этому ядру. Прикоснулось не только своей мыслью и разумом, но и осторожной рукой исследователя. Это прикосновение и открыло людям те гигантские возможности получения энергии, о которых мы только что рассказывали.

Каким же образом извлекается эта колоссальная энергия? Материалы и документы, обнародованные за последнее время, объекты, ставшие доступными, подробно и обстоятельно отвечают на этот вопрос. Пока известен только один способ ее получения — с помощью атомного реактора. Современная наука и техника располагают реакторами разных типов, имеющими свои преимущества и недостатки. Однако все они являются примером того, как человек пытается использовать новые силы природы, опираясь на

старый опыт в энергетике. Почему энергию атомного ядра мы должны переводить в электрическую энергию обязательно через паровую или газовую турбину?

Должны быть найдены, и, бесспорно, будут найдены в ближайшие годы методы получения электроэнергии непосредственно из ядерного горючего, а также методы управления термоядерной реакцией. Мы еще не можем себе представить, каковы будут эти пути, но можно твердо сказать, что они будут коренным образом отличаться от того, что уже изведано и освоено современной техникой. И, вероятно, 16 томов материалов Женевской конференции, которые скоро будут опубликованы, помогут наметить дороги к будущему.

Если человек каменного века, склонившись над неверным комочком пламени, еще не знал и не мог себе представить, каким оно станет в его руках, что принесет оно ему, мы, склонившись над атомным котлом первой атомной электростанции, можем говорить о будущем с твердой уверенностью, так как мы представляем себе его пути. И пути эти беспредельно романтичны.

Пусть работает неиссякаемый атомный реактор, дающий тепло. Но пусть отсюда он смело перейдет на атомоход. По рельсам новых железных дорог побегут локомотивы, обеспеченные топливом на сотни тысяч километров. На них будут установлены атомные реакторы, турбины, генераторы, электродвигатели. И если развитие железнодорожного транспорта сейчас ограничено узкой, исторически сложившейся колеей, кто помешает создать новые ширококолейные магистрали с полотном в 3—4 раза шире, чем существующие! Тогда старые вагоны, которые имели возможность расти лишь в длину, превратятся в широкие, просторные, как салоны трансокеанских пароходов, здания на колесах. Такой железнодорожный состав будущего не потребует ни угля, ни пара. И если сейчас 1 килограмм угля в состоянии продвинуть паровоз примерно на 15 метров, то 1 килограмм урана сможет обеспечить путь атомохода в 40 тысяч километров, то есть движение его вокруг всего земного шара.

А когда человечество освоит управление водородной реакцией синтеза, то 1 килограмма водорода будет вполне достаточно, чтобы преодолеть на ракете весь путь от Земли до Луны.

Ни с чем не сравнимое преимущество получит атомная энергия на подводном транспорте. Можно смело сказать, что эта энергия полностью в состоянии разрешить одну из сложнейших и труднейших проблем плавания под водой. Современные подводные лодки имеют два вида двигателей: для движения над водой — обычный двигатель внутреннего сгорания и для движения под водой — электромотор, работающий от аккумуляторной батареи. Атомная установка на подводной лодке даст возможность и под водой и над водой иметь только один тип двигателя, не нуждающийся ни в воздухе для сгорания, ни в топливе, ни в воде. Широко раскинувшемуся воображению представляются тысячемильные трассы мощных пассажирских подводных лодок, проложивших регулярные рейсы подо льдом Северного полюса, между Азией и Америкой. Нет необходимости пробиваться сквозь толщи льда. Запас кислорода будет достаточен для многих сотен пассажиров этого отлично оборудованного подводного корабля будущего.

Мы можем представить себе и авиацию завтрашнего дня. Она также получит новый стремительный толчок вперед. Ведь основное препятствие к продолжительному полету, к освоению высоты и дальности — это ограниченный запас горючего, которое самолет может взять с собой. Любой самолет, летящий на большие расстояния, превращается, в конечном итоге, в летающую бензоцистерну. Чем дальше путь, тем больше горючего, чем больше горючего, тем тяжелее самолет, а чем тяжелее самолет, тем короче путь. Круг как бы замыкается.

Вот он встает в нашем воображении — гигантский стреловидный самолет с мощным атомным двигателем.

Это может быть известный нам атомный реактор в сочетании с турбореактивным двигателем или же двигатель с урановой пылью, которая, смешиваясь с засасываемым воздухом, разогревает его подобно тому, как это происходит в современных реактивных двигателях.

В этом самолете будут не только удобные каюты, не только кинозалы, салоны, рестораны, ванные комнаты, но и трюмы для грузов, автомашин, продуктов. Такому самолету не нужно заботиться о горючем.

Новый воздушный корабль будет иметь возможность двигаться на огромных высотах, в верхних слоях стратосферы, там, где сопротивление воздуха крайне незначительно. Поэтому скорость может достигать 10—20 тысяч километров в час. Практически часы потребуются на то, чтобы пассажиры с одного континента могли попасть на другой. Окажутся лишними даже приземления. Воздушный корабль длительное время сможет летать по определенному направлению, принимая и высаживая пассажиров с небольших перегрузочных самолетов.

А какие перспективы открываются на поверхности Земли! Гигантское количество тепла, которое в состоянии дать нам атомная электростанция, может преобразовать целые районы нашей страны.

Даже атомные взрывы, которыми наиболее рьяные любители «холодной» и «горячей» войны постоянно угрожают миру, тоже могут стать взрывами созидания.

На протяжении нескольких минут после небольшой предварительной работы может быть создана гигантская плотина в местах, ныне даже труднодоступных для строителей. Располагаемые в склонах гор атомные заряды в одно мгновение поднимут в воздух миллионы тонн горных пород, обрушив их на заданное место плотины будущей электростанции. Турбогенераторы могут быть заранее доставлены на место плотины хотя бы по течению той же самой реки. в виде железных труб с колесами турбин, заключенными внутри. Эти трубы-турбины могут быть затоплены перед самым взрывом. Поднятая на воздух горная порода, обрушиваясь на реку, включит в тело плотины турбогенераторы, которые почти сразу же дадут ток.

Мирный атом может помочь преобразовать целые горные районы. Он позволит обнажать полезные ископаемые, таящиеся на большой глубине, он сможет просечь пути в горах. Со временем он даже станет способствовать изменению морских и воздушных течений. Уже стало возможным научно обоснованно обсуждать проблему перекрытия плотиной Берингова пролива с тем, чтобы оградить ото льдов и полярных течений берега Камчатки и Аляски.

Нам скажут: легко говорить обо всем этом, размечтавшись. Но современное знание дает нам право на подобные мечтания. И даже та область, о которой, затаив дыхание, говорят не только дети, любители фантастических романов, но и серьезные инженеры,— область межпланетных путешествий становится теперь близкой и доступной. Уже приступают к разрешению вопроса о создании искусственного спутника нашей Земли. Сделанный человеческими руками, заброшенный на высоту в 1 000 километров, он будет вращаться по орбите, предначертанной человеком. Межпланетные корабли устремятся из летающей гавани искусственного спутника не только на нашу соседку Луну, но на Венеру, Марс...

Не зря великий ученый России, человек, который впервые научно обоснованно устремил наш взгляд на другие планеты, Константин Эдуардович Циолковский еще на заре существования атомной энергии уже оценил ее величайшее значение.

А какие возможности открываются перед нами на пути преобразования веществ с помощью той же атомной энергии! Если раньше средневековые алхимики тщетно, но упорно бились над проблемой получения золота и драгоценных металлов, если раньше средневековые врачи ломали голову над получением «элексира жизни», то теперь мы можем говорить об этих алхимических опытах как о вещах, доступных науке сегодняшнего дня. С помощью ядерных реакций азот способен преобразоваться в углерод, углерод — в кислород, металл алюминий может быть превращен в фосфор или магний, а после ряда операций — даже в кремний, металл калий может быть превращен в газ аргон и, как насмешка над древними мечтаниями, золото гораздо проще превратить в ртуть, чем ртуть в золото. Стало возможным искусственно создать элемент плутоний, которого никогда не было в природе.

Сейчас трудно, практически невозможно представить себе, как шагнет промышленность человечества, овладевшего атомной энергией.

Ведь уже сейчас целый ряд явлений, связанных с превращением атомного ядра, вышел из лабораторий в промышленность. Атомная электростанция мощностью в 100 000 киловатт за год будет накапливать до 1 000 килограммов различных радиоактивных продуктов — отходов электростанции. Многие из этих продуктов имеют колоссальную ценность и уже теперь широчайшим образом применяются в технике, сельском хозяйстве и медицине.

Человечество вступило в новый век — век атомной энергии. Вступило оно не только под трубные звуки прогресса, но и под грохот первых атомных взрывов. Велика и могущественна энергия атома. Она может стремительно вывести человечество в завтра. Она может сделать жизнь прекрасной и удивительной. Но она может стать враждебной человеку силой, может разрушить все лучшее, что создано на земле.

Люди мира, вступившие в атомный век, приложат все силы к тому, чтобы новая энергия выбрала первый, единственно правильный путь для своего движения. Никакого другого пути не может быть!

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Рассказ

Вячеслав ТЫЧИНИН

Рисунок Г. Храпака.

Начальник автобазы неподвижно стоял у окна, сцепив руки за спиной. От окна веяло холодом. Жестокий мороз выгравировал на стекле причудливые елочки, лепестки, жилки. Только в одном месте от теплого дыхания человека образовалось черное пятно. Сквозь него был виден угол красного кирпичного гаража, освещенный электрическим фонарем. На большом абажуре фонаря толстой шапкой лежал пушистый снег.

В дверь громко постучали. Начальник автобазы вздрогнул, круто обернулся:

— Да! Заходи!

Коренастый шофер, не торопясь, притворил за собой дверь, в которую тотчас ворвались клубы морозного тумана, завистливо покосился на гудевшую в углу раскаленную печку, сделанную из железной бочки, и выжидательно остановился у порога. Морозный туман, стелясь по полу, достиг дальней стены, поднялся и растворился в воздухе.

— Садись, Максим. Разговор будет,— сказал начальник автобазы и показал на табуретку. Шофер шагнул, присел на край табуретки, подвинув ее поближе к выпуклому боку печки.

Начальник автобазы зашел за стол, крепко потер ладонями красное, обветренное лицо, шумно вздохнул.

Шофер сидел молча. На нем был потертый на сгибах, лоснившийся от масла, синий, подбитый мехом комбинезон, туго перехваченный широким желтым ремнем. На коленях лежала шапка с длинными ушами, сделанная из пыжика — меха молодых оленей. Высокие оленьи унты поблескивали разноцветным бисером. И одежда и обувь были приспособлены для многочасовой езды на лютом морозе.

С минуту начальник автобазы в упор разглядывал скуластое лицо шофера с широко расставленными черными глазами, приплюснутым носом, упрямым подбородком.

— Придется тебе, Максим, сделать рейс на прииск Ольхон.

Что-то дрогнуло в лице шофера. Он разомкнул потрескавшиеся губы, готовясь заговорить, но снова плотно сжал их, не проронив ни слова, продолжая слушать.

— Да, браток, на Ольхон,— продолжал начальник автобазы.— Повезешь продовольствие. Знаю, что скажешь: сейчас, в декабре, наледи большие. Но другого выхода нет. Прииск остался без хлеба. Радируют: второй день варят фасоль. Вот тебе и Новый год! — горько усмехнулся начальник автобазы.— А там шестнадцать ребятишек, женщины... Послали трактор с санями — тракторист разморозил блок мотора и стал у Волчьей заимки. Бурдов с машиной засел в наледи, едва вернулся пешим. Кроме тебя, некому... «У-2» вчера сбросил на бреющем мешок муки, а сегодня и этого нельзя сделать: туман накрыл всю тайгу. Метеостанция обещает туман на полмесяца. Представляешь положение? Вопрос стоит так: ты, комсомолец, получил особое задание. Выполняй любой ценой. Любой! — еще раз подчеркнул начальник автобазы. — Хотя бы для этого пришлось пожертвовать машиной. Ясно?

— Ясно.

Максим поднялся со стула, нахлобучил шапку на голову, потом затоптался у стола, широкоплечий, похожий на медведя в своих меховых унтах.

— Николай Иваныч, я жену отвез в больницу, ей сегодня-завтра рожать, так вы уж проверьте, пожалуйста,— просительно сказал шофер, — чтоб ей дали машину доехать домой.

— Марусю? Уже? — вскинулся за столом начальник автобазы. Лицо его страдальчески сморщилось.— Что ж ты раньше не сказал? Тогда тебе ехать нельзя. Оставайся дома. Скоро вернется Юрченко, отдохнет, и отправлю его на Ольхон.

— Нет уж,— решительно отклонил предложение Крюков. — Задание получил, надо ехать. Пятиться назад — это не по мне.

Шофер открыл дверь и опять захлопнул ее, задержался на пороге.

— Если не трудно, Николай Иваныч, дайте потом на Ольхон радиограмму: как там Маруся, кто родился... Я доеду и сразу буду знать.

— Будь спокоен, Максим,— отозвался начальник автобазы,— сам Марусю привезу и телеграмму дам. Лишь бы ты не оплошал в дороге, пробился к прииску.

...Дверь диспетчерской отворилась. Полоса яркого света упала на доверху нагруженный автомобиль, выбрасывавший из глушителя клубы дыма, и снова все утонуло в морозной мгле. Максим спустился с крыльца, обошел вокруг машины, привычно постукивая по баллонам ногой. Скрипнула дверца кабины. Потертое, продавленное сиденье осело на пружинах под тяжестью шофера. Засунув сложенный вчетверо путевой лист под планку крыши кабины, Максим включил рычаг коробки скоростей. Автомобиль тяжело тронулся с места.

Набирая скорость, грузовик вышел на главный тракт. Промелькнули тесовые ворота продовольственного склада, бензиновые баки нефтебазы, окраинные рубленые домики поселка, по самые резные наличники заваленные снегом. И сразу же началась тайга.

Высокие желтоствольные лиственницы стояли каменно-мертво. Максим знал, что сейчас все соки деревьев заморожены. Только весной деревья очнутся от этого многомесячного сна, буйно пойдут в рост, торопясь использовать короткое северное лето. На сугробах виднелась пулеметная строчка заячьего следа, но нигде ни шороха, ни звука. Все живое ушло под снег, спасаясь от мороза. Скрылись даже белые куропатки.

Над зубчатой стеной тайги показалось багровое зарево. Оно все росло и постепенно охватило полнеба. Зловеще чернели на кровавом фоне острые верхушки лиственниц и пихт. Потом всплыла полная луна. Голубоватое призрачное сияние облило тайгу, но не осветило ее. Еще глубже залегли густые тени между деревьями, в лохматых распадках, сбегавших к дороге.

Максим не замечал ничего. Он напряженно смотрел вперед, изредка протирая лобовое стекло меховой рукавицей. Надо было не пропустить охотничью заимку, у которой от главного тракта ответвлялся автозимник к прииску Ольхон. Ага, вот она, заимка! Промелькнула вросшая по крышу в сугробы бревенчатая избушка с четырехугольной дырой, затянутой марлей взамен стекла. Шофер круто повернул рулевой штурвал влево.

Теперь под колеса автомобиля бежала нетронутая пухлая пелена снега. Исчезли елочные следы автомобильных шин. С натугой заревел мотор. В кабине повеяло теплом. Начинался большой подъем на перевал.

Подъем становился все круче. Мотор звенел. Выхлопная труба раскалилась докрасна. Тайга расступилась, осталась позади, внизу. Только самые смелые деревца вскарабкались сюда, на эту лысую сопку, покрытую крупным щебнем, но и их жестоко скрючил ледяной ветер с океана.

Но вот наконец седло перевала. Свирепый норд сдул весь снег с губчатого серо-зеленого ягеля, большими лишаями покрывавшего щебень. Отсюда начинался спуск.

Сдерживая автомобиль на тормозах, шофер спускал его все ниже и ниже. Огромная луна светила так неистово, что Максим выключил фары. Черная тень машины бежала сбоку, то удлиняясь, то укорачиваясь.

Как случилась беда, шофер даже не успел толком заметить. Под колеса метнулась глубокая промоина, предательски замаскированная снегом. Передок машины ухнул в нее, высоко подскочив на тугих рессорах. В тот же миг лязгнули подрессорники и с силой взметнули вверх тяжелый кузов. Что-то длинное, темное метнулось мимо окна кабины и скользнуло вниз под откос.

Максим резко осадил машину ручным и ножным тормозами. Выскочил из кабины. Скользкие подошвы унтов проехались по дороге. Далеко внизу, ярко освещенный луной, чернел длинный ящик. Максим взглянул на кузов. Лопнувшая веревка свешивалась с него. Размочаленный конец касался баллонов.

— Эх, дьявол тебя возьми!

Мороз больно кольнул иголочкой щеку. Шофер машинально опустил длинное ухо пыжиковой шапки, растерянно обошел вокруг машины.

— Что же теперь делать? — вслух спросил сам себя Максим.

В слетевшем ящике был упакован праздничный ассортимент продуктов: шоколад, сухие фрукты, конфеты, ветчина, колбасы, шпроты. Вспомнилось, как старик-кладовщик, заколачивая крышку ящика, сказал Максиму: «Вот, парень, какую радость людям повезешь! Без хлеба сидят, одной фасолью кормятся, а тут ты как раз к празднику подоспеешь».

— Подоспел! — со злостью сказал Максим. Слова глухо прозвучали и сейчас же замерли в остуженном воздухе.

Но что-то делать надо было. Мотор ровно стрекотал на малых оборотах. Максим зябко передернул плечами, снял рукавицы, засунул руки под теплый ватный капот.

— Эх, дьявол. Надо же быть такой беде!

«Съеду вниз, посмотрю на месте, как быть. Может, что-нибудь и соображу».

Оставив машину у моста, Максим пошел по гулкому льду к ящику. Он лежал недалеко, целехонький, прочно окованный по углам железными полосками. Шофер с ненавистью пнул его ногой: «Лежишь, боров! Разломать тебя, черта, да перегрузить продукты в кузов насыпом... Нет, там лопату некуда воткнуть. Ящики да мешки — с верхом. Все растеряется».

Пальцы ног свело от холода. Максим затопал ногами. Лед странно загудел. «Что такое, вроде подо льдом пусто?» Схватить топор, вырубить небольшую лунку было минутным делом. В проруби под лункой не блеснула густая, студеная вода: ясно виднелись белые обкатанные голыши на сухом дне речки.

На Севере часто случается, что первый же мороз в один день сковывает речку льдом. Потом под его защитой она мелеет, вода уходит, и над сухим руслом висит только ледяной панцырь. Так случилось и здесь.

Тонкий лед не выдержал бы тяжести машины. По нему нельзя было даже подъехать к ящику. Но именно хрупкость льда и обрадовала шофера.

Ожесточенно работая топором, Максим прорубил во льду сначала одну прямую щель, потом параллельно ей другую. Лед обваливался вниз большими кусками. Осторожно спустив машину в образовавшиеся глубокие траншеи, шофер подъехал по дну речки к ящику. Теперь он оказался на одном уровне с кузовом. Вырубить круглые катки, приподнять рычагом концы ящика, подложить под него катки — все это было уже просто.

Через час ящик снова лежал в кузове машины, прихваченный крест-накрест для большей верности уже не пеньковой веревкой, а стальным тросом.

Максим решительно дал газ.

Попрежнему один за другим бежали назад лесистые распадки, желтые лобастые скалы, нависавшие над зимником. Медленно, с трудом начало сереть. Рождался короткий северный день. Низкое белесое небо устало легло на мохнатую щетину сопок. Бело внизу, бело вверху... Звенящая тишина, извечный покой. Живым здесь был только автомобиль. Хмурые сопки высокомерно смотрели на крошечный

комочек, неутомимо катившийся по их белым склонам.

Максим поднял уши шапки, расстегнул ворот мехового комбинезона. На душе стало спокойнее. Впервые с начала этого рейса он позволил себе отвлечься от машины и дороги. «Машенька... Как-то она там? Первые роды. Доктор уверял: пустяки, все будет хорошо. Ну, да ведь это они всем поют. А вдруг — осложнение, операция... И меня нет около нее...»

Шофер беспокойно заерзал на сиденье, сбавил газ. «А как иначе? Там шестнадцать ребятишек, с матерями. Не прорвусь — что будет? За Машей уход хороший, и сама она у меня молодец, не поддастся. Обойдется все. Нечего себя пугать. Вот только бы самому добраться до прииска».

После полудня впереди показалась черная точка. Конечно, это был грузовик Бурдова, о котором говорил начальник автобазы. Беспомощно задрав капот, автомобиль глубоко осел в наледь. Вода ушла, а захваченная в плен машина осталась. Голубоватый лед сковал колеса, подножки, рессоры.

Максим остановил свою машину, обошел вокруг вмерзшего автомобиля. К нему со всех направлений стягивались бесчисленные звериные следы. Жители тайги приходили сюда в надежде чем-нибудь полакомиться. Угол одного верхнего ящика был уже разгрызен. В дыре желтело сливочное масло. На кабине наросла толстая снеговая подушка.

Шофер приподнял капот, удостоверился, что вода из мотора выпущена, потом влез наверх, заколотил дыру в ящике. Больше тут делать было нечего. Чтобы использовать остановку, Максим долил бензина в бак, вскрыл ножом банку мясных консервов, разогрел ее на выхлопной трубе своего мотора и плотно подкрепился. «Все-таки не зря меня послали, — пришла самолюбивая мысль. — Трактор замерз, Бурдов застрял, а я все еду». Но сейчас же Максим насмешливо оборвал себя: «Не говори гоп, пока не перескочишь. Расхвастался. Главное еще впереди».

Теперь шофер вел машину с удвоенной осторожностью. Где-то близко начиналась наледь. Не успев разгореться, серенький денек быстро угасал. На востоке облака разошлись. Показалась сине-стальная полоса застывшего неба. Снег давно перестал идти. Мороз быстро крепчал. Дорога втягивалась в мрачное, темное ущелье. Пришлось включить фары.

Зимник оборвался внезапно. Впереди во всю ширину ущелья стояла живая вода. Среди белых стен, на жгучем морозе странно было видеть переливающуюся воду. От нее поднимались клубы пара, как от кипятка. Свет фар тонул в сплошной черноте.

Настала решающая минута. Максим хорошо знал, что его ожидает. Он надел цепи на задние колеса, совсем закрыл радиатор ватным капотом, снял вентиляторный ремень, чтобы предохранить мотор от брызг, и плотно уселся за руль, сдвинув шапку на затылок.

Взревел мотор. Машина рванулась вперед. Колеса бешено пробуксовали в воде, но инерция и цепи, надетые на них, спасли: последним усилием, как утопающий пловец, автомобиль выбросился из наледи на берег.

...На исходе были вторые сутки пути. У Максима онемела спина, ломило руки. Хорошо было бы поспать в кабине, не глуша мотор, но это опасно: можно незаметно замерзнуть. И так мороз забирался даже под меховой комбинезон. Все-таки, наверное, очень холодно, не меньше пятидесяти пяти градусов! А главное, надо успеть, во что бы то ни стало надо успеть на Ольхон к празднику. При одной мысли о том, как его долгожданную машину с продовольствием обступят горняки, их жены и дети, Максим чувствовал себя бодрее, прибавил газ.

А мороз все крепчал. Туман сгущался на глазах. Свет фар не мог пронизать его. Впереди, перед радиатором, бежало тусклое оранжевое пятно. Казалось, машина стоит на месте, а под ее колеса сама несется снежная гладь автозимника. Неясно мелькали по сторонам редкие вешки с воткнутыми в них зелеными лапами стланика. Это мельканье, однообразный шум мотора усыпляли. Максим высоко поднимал брови, изо всех сил таращил глаза, вертелся на месте, стараясь прогнать сон. Все мешалось в отуманенном сознании. Судорожная зевота поминутно сводила челюсти шофера, но руки не выпускали штурвал, глаза скользили по дороге, уши чутко ловили каждый звук. Вдруг Максим насторожился. В ровном гуле мотора он уловил еле слышные, сухие щелчки. По спине пробежал холодок: «Неужели мотор сдаст?»

Да, сомнений не было. Что-то случилось с мотором. Щелчки все учащались. Теперь они следовали один за другим. Грузовик подвигался вперед рывками. Максим лихорадочно соображал: «Где? Карбюратор? Подача горючего? Нет, мотор не отзывается на подсос. Свет хороший, динамо дает зарядку. Значит, дело не в нем и не в аккумуляторе. Зажигание? Если бы свеча, мотор так не дергало. Остается прерыватель. Надо искать там».

Мотор в последний раз вздохнул и умолк. По инерции автомобиль прокатился еще немного и стал. Наступила мертвая тишина.

Максим сидел, не шевелясь, чувствуя во всем теле внезапную слабость. Превозмогая ее, он открыл дверцу кабины и сейчас же поспешно захлопнул. Просто невероятно, как может быть силен холод! В самой атмосфере, казалось, было разлито нечто угрожающее жизни человека, смертельно опасное, как будто из нее выкачали кислород.

Но надо было спешить. Затаив дыхание, как перед прыжком в воду, Максим выскочил из кабины. Стремительными и точными движениями он поднял капот, включил освещение. Мотор не дохнул на него жаром и смешанным запахом бензина и масла, как обычно. Он был чуть теплый.

Максим быстро отворачивал болты: один... второй... Проклятие! Третий болт выскользнул из грубых рукавиц и упал под машину. Не задерживаясь ни на секунду, шофер снял прерыватель. Так и есть — выскочила фибровая пяточка прерывателя. Надо ставить новый молоточек. Скорее, скорее! Одна гайка отвернута. Какая бесконечная резьба! Вторая... Так, теперь надо надеть новый молоточек. Только бы не уронить его! Максим сбросил рукавицу с правой руки. Мороз обжег ее. Коченеющими пальцами шофер надел крохотный молоточек на ось, поспешно сунул руку в рукавицу. Крупная дрожь непрерывно била все тело.

Оставалось завернуть три болта. Но сначала предстояло найти в снегу упавший. «Спокойней, спокойней!» — мысленно уговаривал себя Максим. Он найдет болт, поставит прерыватель, заведет мотор. Странная апатия все сильнее охватывала шофера. Он глубоко вздохнул, уже не пытаясь унять дрожь.

Максим упал под машину; широко разводя руками, он искал болт. Нет, так не найти. Придется снять рукавицы. Стащив их, шофер провел обнаженными руками по снегу, и они тотчас потеряли чувствительность. Пронеслась, не затронув сознание, мысль, что пальцы могут отмерзнуть. И в то же мгновение отчетливо послышался тонкий нежный хруст — начала замерзать вода в радиаторе. Теперь ее не выпустить из мотора...

Слепой страх сдавил сердце Максима. Он выскочил из-под машины, пробежал несколько шагов и задохнулся. Морозный воздух опалил легкие, нестерпимый кашель раздирал грудь. В голове мелькнуло: «Развести костер! Не выйдет... Снег по пояс, без лыж до леса не добраться... А может, пока не поздно, бросить все, спасаться, идти к прииску? Нет! Комсомольцы не сдаются! Надо выручать машину из беды, доставить продовольствие людям».

Максим бросился к машине, снова упал под нее. Быстро работая уже негнущимися руками, он выгреб весь снег на свет фар и увидел болт. Но теперь не удавалось взять его пальцами. Тогда, отгоняя мысль о том, что пальцы придется ампутировать, понимая, что он борется за свою жизнь, Максим положил руки по обе стороны болта, сблизил их и, зажав болт, поднял его. Вернувшееся самообладание помогло подавить дрожь, и болт попал в отверстие. Так же удалось вложить остальные два.

Шофер не чувствовал своих пальцев, но потрескивание радиатора подгоняло его. Оттирать руки снегом было некогда. Он всунул их в рукавицы, начал бить по коленям, пытаясь восстановить кровообращение. Напрасно! Кисти рук оставались деревянными.

Сбросив рукавицы, шофер снова зажал ключ между негнущимися ладонями, наложил его на головку болта. Внезапная догадка осенила мозг. Максим плюнул на ключ, и он мгновенно примерз к болту. Теперь ключ держался. Не дыша, шофер поворачивал его побелевшим пальцем.

Невероятное совершилось — все болты были затянуты!

Держа руки перед собой, Максим вполз в кабину, крепко зажмурился и нажал ногой кнопку стартера. «Ну!..» Мотор дрогнул, из карбюратора пыхнуло пламя, и вдруг полилась радостная песенка ожившего мотора.

Ослабевшие нервы не выдержали. Максим по-детски всхлипнул, чувствуя острую жалость к себе.

Включив коленом рычаг коробки скоростей и поддерживая руль локтями, Максим тронулся с места. Под окаменевшими баллонами, как под чугунными ободьями, захрустел снег.

Через несколько километров пути шофер ощутил первые легкие покалывания, а потом нестерпимая боль в руках заставила его скорчиться на сиденье. Но даже эта боль не могла заглушить его радость: машина шла и руки не были отморожены.

Последние сорок километров пролетели быстро. Внизу, в распадке, блеснули огни прииска. Автомобиль въехал на главную улицу поселка. Захлопали, завизжали двери. На свет фар отовсюду бежали люди. Зазвенел счастливый смех. Послышался крик: «Машина! Машина-а-а пришла!».

Максим тяжело сполз с подножки, шатаясь, сделал несколько шагов навстречу горнякам. Раньше всех подбежавшая женщина в распахнутом полушубке кинулась к шоферу, обняла и, плача, прижала его голову к своей груди. И, чувствуя исходившую от женщины невыразимо сладостную материнскую теплоту, зарываясь лицом в пахучую шерсть полушубка, Максим медленно подогнул слабеющие ноги, упал перед женщиной, шепча:

— Я все привез! Скажите, пусть выпустят воду из мотора...

Радости творчества

Е. ЛОГИНОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Шумно и людно сегодня в доме Мелеховых. Пантелей Прокофьевич справляет свадьбу своего второго сына. За длинными, полными яств столами собрались станичники. Подгулявшие старые казаки вперебивку силятся рассказать о былых походах. Родители молодых, любуясь детьми, горделиво похваляются друг перед дружкой красотой и скромностью Натальи, казацкой удалью Григория. Среди молодежи смех, задиристые шутки, вспыхивающие то и дело раздольные песни, рожденные на Дону, огневые пляски. Свадьба, пышная, разгульная, все идет, как требуется обычаем. Но скоро, нарушая праздник и ломая привычный порядок, появится здесь подкошенная бедой Аксинья — тайная любовь Григория...

Так начинается 1-е действие оперы «Тихий Дон» И. И. Дзержинского, поставленной на сцене ленинградского Дворца культуры имени С. М. Кирова. И пока хор казачек не допел еще свадебной шуточной песни о молодом незадачливом муже:

— «Ох, матушка, тошно мне.
Ох, сударушка, грустно...»,— познакомимся поближе с исполнителями.

Спектакль готовила самодеятельная оперная студия. В будущем году Дворец культуры отметит ее десятилетие, и этим скромным юбилеем будут обрадованы многие друзья студии.

Все здесь, как в настоящем оперном театре: из вечера в вечер идут репетиции, разучивание партий, разнообразная и сложная подготовка вокалистов.

Немало часов провели мы на спевках хора и в отделе художественной самодеятельности Дворца культуры. При нас собирались члены художественно-педагогического совета студии. Как обычно, здесь шло обсуждение прошедших спектаклей, производились пробы новых солистов-дублеров, проигрывались клавиры намеченной к постановке комической оперы «Корневильские колокола». Тут же просматривались эскизы и макеты оформления, которые неутомимо готовит талантливый театральный художник Н. З. Мельников.

Мы близко узнали труд сложного коллектива — оперной студии, ее художественного руководителя и дирижера Г. А. Донияx, хормейстера Ю. М. Славнитского, оперного режиссера С. И. Лапирова, педагогов-концертмейстеров М. А. Федотову, А. А. Далецкую, Ф. И. Непорент и других. Нельзя не помянуть добрым словом и оркестрантов Малого оперного театра, уже много лет участвующих в спектаклях студии, не имеющей пока собственного симфонического оркестра.

«Тихий Дон» И. И. Дзержинского в постановке оперной студии ленинградского Дворца культуры имени С. М. Кирова. Картина 1-я. На свадебном гулянье у Мелеховых.

Слесарь А. А. Бородавкин (второй слева) перед началом рабочего дня.

«Русалка» А. С. Даргомыжского. Ольга — врач Г. Я. Красильникова.

«Фауст» Ш. Гуно. Мефистофель — инженер Г. Б. Бескин.

«Иоланта» П. И. Чайковского. Бригитта, подруга Иоланты, — домашняя хозяйка Е. Л. Тихомирова.

«Русалка» А. С. Даргомыжского. Княгиня — техник А. И. Медведева.

Опера «Тихий Дон» И. И. Дзержинского в постановке оперной студии ленинградского Дворца культуры имени С. М. Кирова.

Картина 5-я. На австрийской железнодорожной станции. 1917 год... Михаил Кошевой (А. В. Манухов, научный работник) призывает казаков-одностаничников последовать примеру революционных солдат.

Сашка, конюх помещика Листницкого,— Г. Б. Бескин (инженер).

Дарья Мелехова — А. М. Лобанова (кассир магазина).

Старый казак — А. А. Филиппов (слесарь-механик).

Казачка — Е. В. Степанова (телефонистка).

←

Картина 2-я. После свадьбы в доме Мелеховых. Свидание Григория (П. И. Савинов, научный работник) и Аксиньи (В. Н. Солодчук, домашняя хозяйка).

Мы познакомились не только с работой студии, но и с творческими мечтами отдельных исполнителей. Артисты-любители пели нам много и охотно, с истинной щедростью. И все эти встречи, разговоры, прослушивания вызывали большие и радостные ощущения, с которыми наблюдаешь бескорыстную и неисчерпаемую любовь к искусству. А в следующие дни повидали мы пленивших нас певцов за их обычным делом. Казак-спорщик за столом Мелеховых оказался столяром-краснодеревщиком Анатолием Падалкой, трудившимся в производственных мастерских Театра оперы и балета имени Кирова над отделкой декораций — заказом периферийных театров.

Сегодня А. И. Падалка занят срочным заданием — отработкой деталей театральной декорации.

Мы с интересом смотрели ювелирно-тонкие изделия рук 65-летнего механика А. А. Филиппова, занятого изготовлением деталей и сборкой теплотехнических приборов. А ведь только на днях мы слышали, как он разучивал партию Жермона в «Травиате», пел каватину Валентина в хоре из «Фауста», шумел подгулявшим казаком на свадьбе в «Тихом Доне». Мы наблюдали точную и быструю работу кассирши продмага А. М. Лобановой — недавней исполнительницы роли разбитной щеголихи Дарьи Мелеховой, а затем побывали в цехе у слесаря А. А. Бородавкина — участника шумных свадебных торжеств у Мелеховых.

С удовольствием беседовали мы после импровизированного концерта с другими ведущими солистами студии — инженером Г. Б. Бескиным, обладателем редкого по глубине, гибкости и задушевности баса, с научными работниками П. И. Савиновым, А. В. Мануховым, постоянными участниками оперных спектаклей в теноровых партиях, с домашней хозяйкой В. Н. Солодчук — ярким и богатым по тембру драматическим сопрано.

Свыше 25 лет работает в судостроении Г. Б. Бескин, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. Дело свое он любит, но дорога ему и другая его специальность — оперного певца, доставляющая столько радости. «Музыка, пение — душа моя», — говорил он, перефразируя слова М. И. Глинки. И рассказывал, как собирает шаляпинские граммпластинки, как читает все, что есть в печати, о постановке дыхания певца, о культуре оперного исполнительства. Дома у него большое нотное собрание, где представлено все значительное и интересное из басового репертуара. И все это разучивается, осваивается.

Кого бы не растрогали и другие рассказы: В. Н. Солодчук, о том, как, готовя сцену с больным ребенком Аксиньи, она дома часами баюкала сверток, изображавший младенца, или плакала без слов и без слез над страшной вестью о гибели Григория; старой фельдшерицы, ушедшей на пенсию, М. С. Латышевой, для которой «без студии нет настоящей жизни»; молодого врача Г. Я. Красильниковой, колоратурное сопрано которой «раскрылось только здесь»!..

Нельзя не отнестись с уважением к П. И. Савинову, уже 25 лет поющему в самодеятельности и успевающему наряду с большой основной работой учиться в университете марксизма-ленинизма, репетировать сложные оперные партии и еще заниматься режиссурой. И к Анатолию Манухову, который даже в нелегких сейсмологических экспедициях разучивает роли, совершенствуя свой богатый репертуар. Мы могли бы назвать так еще не один десяток страстных любителей оперного пения, и среди них нашлись бы и рабочие, и техники, и служащие, и моряки, инженеры, врачи, библиотекари, учителя.

Самоотверженное служение музам в часы досуга от основной работы не такое уж у нас редкое явление. Гораздо поразительнее другое — весь строй жизни оперной студии и студийцев-кировцев. Здесь не было, нет и не будет «премьеров», которых обычно усиленно отделяют от скромных, безвестных «хористов». Здесь дело так поставлено, что старый Фауст, отпев ему положенное, снимает седой парик и бороду и становится в ряды хора, откуда в свою очередь и в свое время выходит Фауст молодой. И оба солиста одинаково повинуются знаку дирижера, когда ведут свою, уже хоровую, партию. Из хора выходит опечаленная изменой мужа Княгиня в «Русалке», а утонувшую в 1-м акте Наташу можно затем отыскать на сцене в группе сопрано.

Зато, признаемся, нам редко приходилось слышать хор такого слитного звучания, такой мощи и бархатистости, богатства окраски звука, такой отчетливой и в то же время легкой дикции. А солисты здесь, в том числе начинающие, всегда чувствуют локоть друга, который ободрит, покажет, поможет. И дисциплина здесь особенная: пропуск занятия может быть вызван только чрезвычайными обстоятельствами.

По этим причинам и по другим сложившимся здесь традициям студия кировцев за сравнительно короткий срок создала солидный репертуар. «Травиата», «Сорочинская ярмарка», «Фауст», «Русалка», «Иоланта» — все эти сложные оперы, обильные хорами и ариями, дающие благодарный материал исполнителям, оказались вполне по силам самодеятельному оперному театру. И, чтобы покончить с историей, напомним, что студия кировцев летом 1952 года сумела вынести свой спектакль «Сорочинскую ярмарку», что называется, на площадь, показав его 20 тысячам зрителей под открытым небом. Разве не об этом мечтал когда-то великий Мусоргский, жаждавший, чтобы его оперы стали широко доступны народу!

...Но вернемся снова в зрительный зал, где только что закончился спектакль «Тихий Дон» и еще гремят рукоплескания благодарных зрителей. Насыщенная с начала до конца песенностью, богатая чисто народными характерами и интонациями, опера Дзержинского усилиями истинных любителей музыки получила новую сценическую жизнь. И зритель надолго запомнит и ее главные и второстепенные, но одинаково выразительные образы, созданные кировцами, и впечатляющую по размаху и многообразию решения массовую сцену 1-го акта и волнующую 5-ю картину, предшествующую финалу спектакля.

...Над городом спустилась ночь. А завтра вечером по площади, которую замыкает залитый огнями Дворец культуры имени С. М. Кирова, снова потекут неиссякаемые живые ручейки: как всегда, множество людей торопливо переступит порог гостеприимного здания. Одни, чтобы послушать полюбившихся певцов или музыкантов, таких же простых тружеников, как и их зрители. Другие, чтобы отдаться радости творчества, в котором они находят лучший отдых после работы. И невольно приходят на память мудрые слова горьковской Изергиль, так любившей раздолье песни:

«Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже — поют!.. Те, которым жизнь мила, вот — поют».

И дома механика А. А. Филиппова часто можно застать у рояля. Всегдашний аккомпаниатор — его жена Нина Александровна на этот раз долго уговаривает внука Диму заняться игрушками. На заднем плане — дочь Людмила Александровна, геолог.

«Фауст» Ш. Гуно. Вагнер — инженер А. Е. Калинин.

«Сорочинская ярмарка» М. П. Мусоргского. Попович — корректор типографии Ф. В. Грошиков — подсчитывает доходы.

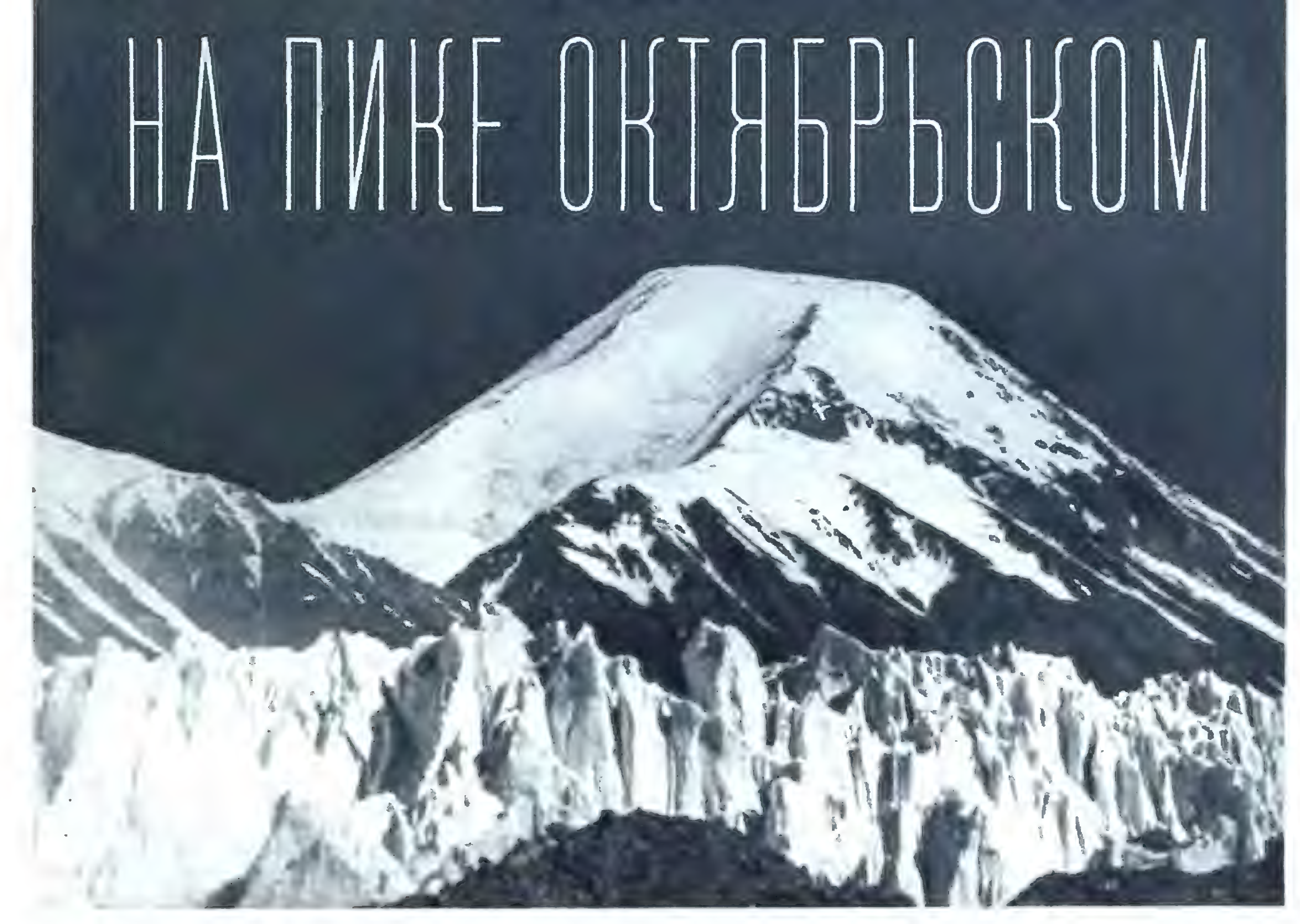

«Иоланта» П. И. Чайковского. Кормилица Иоланты Марта—переводчица И. В. Яхонтова.

«Фауст» Ш. Гуно. Молодой Фауст — служащий П. Г. Ананьев.

НА ПИКЕ ОКТЯБРЬСКОМ

Сюй Дин.

Ян Дэ-юань.

Ши Сю.

Джоу Чжен.

А. УГАРОВ,
заслуженный мастер спорта

Фото автора.

Памир с высоты птичьего полета! Куда ни взглянешь — всюду горы, крутые, обрывистые снежные склоны, причудливые нагромождения льда с вершинами то остроконечными, то куполообразными.

Кругом мертвая тишина. Но вот на противоположном обрывистом склоне образовалось легкое снежное облачко. Оно быстро разрастается и превращается на наших глазах в клубящуюся, грозно грохочущую лавину, которая проносится вниз и тут же скрывается под непроницаемым покровом облаков. А мы, участники альпинистской экспедиции, штурмующей пик Октябрьский, двигаемся все вперед и вперед.

Пик Октябрьский издавна привлекал внимание географов и альпинистов. Их неотступно влекла к себе вздымающаяся ввысь его белоснежная пирамида. И вот наша экспедиция, составленная из 18 опытных альпинистов, руководимая заслуженным мастером спорта Е. Белецким, впервые должна совершить восхождение на вершину. Вместе с советскими альпинистами вершину штурмовали и четыре китайских альпиниста—Джоу Чжен, Сюй Дин, Ян Дэ-юань и Ши Сю. Если раньше китайцы и участвовали в экспедициях, организованных другими государствами, то только в качестве носильщиков. Теперь Китай имеет квалифицированных горовосходителей. Они прошли на Кавказе серьезную учебу и на Памире сдавали экзамен на «аттестат» спортивной зрелости.

Выехав из города Ош на автомашинах по Памирскому тракту, на 249-м километре мы свернули в сторону по долине Кара-Джилга и стали продвигаться вглубь Памира. Хорошая дорога осталась позади, впереди — полное бездорожье. Через 14 часов напряженной борьбы с суровой природой мы прошли около 50 километров и разбили базовый лагерь на высоте 4 100 метров. После разведывательных тренировочных походов, отдохнув, 9 августа мы начали штурм. С первых же шагов нашу группу ждали большие трудности. Путь то и дело преграждали ледовые стенки высотою в десятки метров. Приходилось рубить ступеньки, применяя страховку и приемы высшей альпинистской техники.

Лагерь на высоте 4 900 метров, где мы остановились на ночлег, был окружен ледяными стенами. Ночью при ярком свете луны они просвечивали и как будто горели фантастическими огнями. То и дело слышался шелест сползающих камней, потрескивание льда.

Дальше наш путь пролегал по закрытому снегом леднику. Здесь требовалась большая осторожность, чтобы не провалиться в глубокие трещины, достигающие десятков, а иногда и сотен метров. Советские и китайские альпинисты идут нога в ногу и готовы в любую минуту оказать поддержку и помощь товарищу. Вот впереди идет Анатолий Ковырков. Он преодолевает нависший на крутом склоне снежный карниз, прорубая в нем глубокую траншею, а поднявшись наверх, укрепляется там и охраняет идущего за ним Ян Дэ-юаня. А тот, в свою очередь, преодолев тяжелый участок, сразу же становится на страховку следующего за ним в связке советского альпиниста.

Все очень устали, и многие нетерпеливо допытываются, скоро ли будет вершина. Она недалеко, но уже темнеет, да и силы на ущербе. Влезаем в палатки и, согревшись чаем, засыпаем.

На следующий день штурм вершины продолжался. Джоу Чжен в сердцах спрашивает: «Да когда же она покажется? Это какая-то бесконечательная вершина!» Раздается дружный смех: всем очень нравится это выражение.

Мы поднимаемся на безымянную вершину! Высота — 6 673 метра. Все обнимают друг друга, поздравляют с победой. Белецкий предлагает назвать вершину пиком Единства в честь дружбы советского и китайского народов. Тут же возникает импровизированный митинг. Джоу Чжен благодарит советских альпинистов за дружескую помощь. Пишем записку на русском и китайском языках, вкладываем ее в сложенный из камней тур, ставим флаги Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Одна вершина взята! Но нам предстоит взять вторую, главную— пик Октябрьский.

Мы спускаемся по крутому гребню на 160—180 метров, на перемычку между пиком Единство и пиком Октябрьским и раскидываем здесь очередной бивуак. Нам предстоит еще одна тяжелая ночь. Погода к вечеру портится. Всю ночь бушует пурга, не утихает она и к утру. Но ждать мы не можем. Рваные облака проносятся с громадной скоростью, ветер колет лица снежными иглами, а мы продолжаем подъем. Взбираемся по крутому скальному гребню, с трудом преодолеваем несколько сложных выступов. Чувствуется высота. Она достигает 6 700 метров над уровнем моря, а кислородных приборов мы не применяем. Пуховые рукавицы почти не предохраняют рук. Одежда, тяжелая высокогорная обувь с кошками затрудняют движение.

К полудню погода улучшилась. Последние метры пути, последние усилия, и вот мы все стоим на вершине. Высота 6 780 метров.

Пик Октябрьский покорен!

На пике Октябрьском альпинисты качают любимца всей команды Джоу Чжена.

НАТАША

Борис ЛАСКИН

Рисунок П. Караченцова.

Интересная штука — часы. Все говорят: «Часы идут». Ничего подобного! Никуда они не идут, просто висят на одном месте и тикают. А сейчас, когда за окном уже темно, часы спят.

Наташа смотрит на лениво качающийся маятник и спрашивает у Катьки:

— Ты знаешь, который час?

Катька не отвечает, а разбуженные часы, недовольно вздохнув, бьют семь раз.

— Уже семь часов,— строго говорит Наташа,— дочке пора спать. Выпей свое молоко и сейчас же в кровать. Слышишь?

Катька молчит и молоко не пьет. Наташа недовольно качает головой. Беда с этой Катькой!.. А впрочем, если разобраться, что от нее требовать? Катьке всего-навсего два года, и она кукла.

Наташа укладывает Катьку на диван.

— Спи!.. Я кому говорю?.. Что? Рассказать тебе чего-нибудь?.. Ну, ладно. Слушай. Мама с Юркой уехали к бабушке в Озерки. Дома остались только я и папа. Мы завтра с ним тоже поедем в Озерки. Завтра праздник. Мы на машине поедем. А сейчас папы дома нету, он ушел на заседание...

Наташа принимается баюкать Катьку. В этот момент на столе звонит телефон. Наташа снимает трубку:

— Я слушаю...

— Тарапунька, — гремит из трубки голос папы,— как дела? Какие новости?

Наташа пожимает плечами. Какие могут быть новости, если папа ушел недавно!

— Ты чего же молчишь? — спрашивает папа. — Может быть, ты уже спишь?

— Я Катьку укладываю.

— Как она себя чувствует? Как ее общественно-моральное поведение?

Последнего вопроса Наташа не понимает.

— Спасибо, чувствует она себя хорошо, только она еще не спит,— говорит Наташа.

— А ты давай вместе с ней, за компанию, вдвоем-то вы быстрей уснете.

— Я спать не хочу, папа. Приходи скорей, ладно?

— Постараюсь.

Положив трубку, Наташа возвращается на диван.

— Слушай,— решительно говорит она Катьке,— жила-была девочка. Она была хорошая девочка, но она не любила спать. И вот в один прекрасный день пошла она гулять, заблудилась и попала в дремучий лес. Идет она, идет и вдруг видит: сидит на дереве водопроводчик дядя Матвей. Увидел девочку водопроводчик и говорит человеческим голосом: «Девочка, девочка, сию же минуту ложись спать!..»

Бережно накрыв Катьку одеялом, Наташа подходит к окну.

Невдалеке на фоне темного неба высятся трубы завода, на котором папа работает директором. Внизу видна улица. Внезапно становится светло, на крыше соседнего здания загораются большущие буквы из разноцветных лампочек — иллюминация к празднику. Буквы горят над белым домом с колоннами. Дом называется горком. Наташе это хорошо известно: папа часто бывает в горкоме. Он и сейчас ушел туда. Когда мама уезжала сегодня, она засмеялась и сказала папе: «Если тебя вечером хвалить будут в горкоме, сильно нос не задирай, а то за люстру заденешь». Папа сказал: «Слушаюсь, товарищ начальник!» Потом мама еще сказала: «Следи за Наташкой, смотри, чтоб наша самостоятельная девица чего-нибудь не сморозила».

Наташа смотрит в окно на белый дом с колоннами, смотрит и думает. В этом доме сейчас папа. Папу будут хвалить. Приятно, когда тебя за что-нибудь хвалят. Вот, например, недавно Наташа хотела сделать дома синее море и вылила в полную ванну пузырек чернил, но ее за это почему-то не похвалили, а за то, что она выучила маленький стишок, папа сказал: «Молодчина!»

А все же интересно: за что будут хвалить папу?.. Может быть, за то, что он каждое утро аккуратно умывается и не бросает полотенце где попало?.. А может быть, за то, что он хорошо поет?.. Или за то, что он сильный и добрый?.. Или за то, что он на мотоцикле умеет ездить?..

Наташа разглядывает иллюминацию и думает...

Тем временем в просторном кабинете секретаря горкома партии Кузнецова идет заседание бюро. Директор машиностроительного завода Георгий Николаевич Спирин, отец Наташи, заканчивает свой короткий доклад. К октябрьскому празднику завод досрочно выполнил годовой план по выпуску продукции и по всем остальным показателям. Члены бюро слушают Спирина, невольно удивляясь тому, как спокойно, почти бесстрастно говорит он о делах своего завода, которому уже уготовано переходящее красное знамя.

Когда Спирин заключает доклад: «У меня все, товарищи», — внимательно слушавший его Кузнецов, улыбаясь, разводит руками.

— Что ни говорите, скромность — лучшее украшение коммуниста. Строго доложил, без пафоса...

— А я, Михаил Михайлович, к слову сказать, деловой пафос предпочитаю ораторскому, — с улыбкой говорит Спирин.

— Это известно, Георгий Николаевич,— кивает Кузнецов,— но вы уж эту мысль-то не развивайте, а то, неровен час, обидите кого,— замечает он, мельком взглянув

при этом на заместителя председателя горисполкома Цветаева.

Участники заседания многозначительно улыбаются.

— Товарищи, сделаем перерыв минут на десять,— предлагает Кузнецов и встает.

— Извините, Михаил Михайлович.— Спирин подходит к столу секретаря. — Разрешите, я домой позвоню, как там моя Наташка...

Он набирает номер и ждет. Один гудок, другой, третий. Никто не отвечает.

— Надо полагать, заснула,— облегченно вздыхает Спирин и кладет трубку на рычаг.

Приоткрывается дверь, и на пороге появляется помощник секретаря.

— Прошу прощения, — говорит он,— товарищ Спирин, тут вас спрашивают.

— Кто?

— Пришла одна гражданочка,— докладывает помощник.

— Пригласите, пусть войдет,— серьезно говорит Кузнецов. Стоя лицом к двери, он видит за спиной помощника маленькую фигурку в шубке и красном вязаном капоре.— Пожалуйста, гражданка!

Дверь распахивается, и в кабинет входит Наташа.

Спирин в изумлении опускается на стул.

— Наташка!.. Что такое?.. Что случилось?

— Здравствуйте! — говорит Наташа. — Ничего не случилось, папа, я пришла к тебе в горком...

— Кто тебя привел?

— Я сама пришла...

— Товарищи, вы меня извините,— подойдя к дочке, смущенно улыбается Спирин. — Жена, понимаете, с сыном уехала, и вот, пожалуйте, младший член семьи...

Кузнецов подходит к Наташе. Он смотрит на ее круглое лицо, на торчащие из-под капора тугие косички.

— Разрешите представиться: Кузнецов. — Он наклоняется и почтительно протягивает ей руку: — Если не ошибаюсь, Наталья Георгиевна?

— Меня зовут Наташа.

— Очень приятно. Познакомься с товарищами. Это все члены бюро горкома.

Наташа обходит всех присутствующих и каждому подает руку.

Но вот процедура знакомства кончается, и Наташа, неожиданно подняв голову, озабоченно смотрит на люстру.

— Папа,— говорит она громко,— а ты не достал до нее носом?

— Что, что? — удивляется Кузнецов.

— Мама сказала,— не спеша поясняет Наташа,— если папу будут в горкоме хвалить, чтобы он не задирал нос, а то он может зацепиться за люстру...

В кабинете дружно хохочут.

Спирин заметно краснеет.

— Сколько раз я тебе говорил: не повторяй ничего за взрослыми!

— А почему иногда и не повторить, если взрослые говорят дело? — замечает один из членов бюро, и вокруг снова смеются.

Панова, молодая женщина, директор педагогического института, смеясь, целует Наташу и берет ее на руки. Наташа смущается: сколько людей, и все на нее смотрят, и папа, видно, очень доволен, хотя и хмурится.

Указав на Панову, Цветаев говорит:

— Прошу обратить внимание: «Сикстинская мадонна» по пути в Дрезден.

Панова спускает Наташу на пол.

— По пути в Дрезден я еще к вам заверну, товарищ Цветаев. О жилищном строительстве побеседуем. Дело в том...

— Я сам к вам собирался,— перебивает Цветаев.

— Чересчур долго собираетесь, — говорит Панова. — Знаете, если гора не идет к Магомету, Магомет идет в горсовет.

— Пошли домой, Тарапунька, — говорит Спирин, — пошли. Прошу извинить, товарищи, сейчас я ее провожу и сразу же вернусь.

— Негостеприимно мы поступаем, — с сожалением говорит Кузнецов. — Пришел человек, а мы его даже и не выслушали. Вот что, Наташа, расскажи-ка ты нам на прощанье сказку...

— В горкоме сказки не рассказывают, — уверенно заявляет Наташа.

— Не скажи! — усмехается Кузнецов, и Наташа видит в его глазах веселые огоньки. — Послушала бы ты речь Крынкина из горторготдела. Такие он, милая моя, здесь сказки рассказывал, тысяча и одна ночь!..

— Я про теремок знаю, — говорит Наташа. — Рассказать?

— Просим.

Наташа становится в соответствующую позу и, обведя серьезным взглядом аудиторию, начинает:

— Построила муха терем и живет в нем. Прискакала блоха-попрыгуха. Кто, кто в терему? Я муха-горюха. А ты кто? А я блоха-попрыгуха. Иди ко мне жить. Прилетел комар-пискун. Кто, кто в терему? Я муха-горюха. Я блоха-попрыгуха. А ты кто? А я комар-пискун. Иди к нам жить...

Наташа рассказывает не торопясь, с явным удовольствием. Очень уж внимательно ее слушают. Не то что Юрка. Тому начнешь рассказывать про репку или про журавля, он чуть-чуть послушает, потом говорит: «Натаха, не морочь голову. Мне алгебру надо учить».

Наташа заканчивает свою сказку, и все громко аплодируют. Кузнецов ласково хлопает Наташу по плечу.

— Большое тебе спасибо. Прекрасная сказка. Наверно, автор — местный житель, наблюдал распределение жилплощади в доме специалистов. Будь здорова.

— Спасибо. Спокойной ночи...

И Наташа покидает кабинет вместе с папой.

Он приводит ее домой, торопливо раздевает и укладывает в кровать.

— Спи, Тарапунька, и не вздумай вставать. Слышишь? Утром поедем к бабушке. Я через часик вернусь, а к тебе сейчас тетя Нина зайдет, посидит...

Папа убегает. В комнату к Наташе входит соседка тетя Нина. Она садится на диван и сразу же углубляется в книжку.

— Спокойной ночи, — немного погодя говорит Наташа.

— Спокойной ночи.

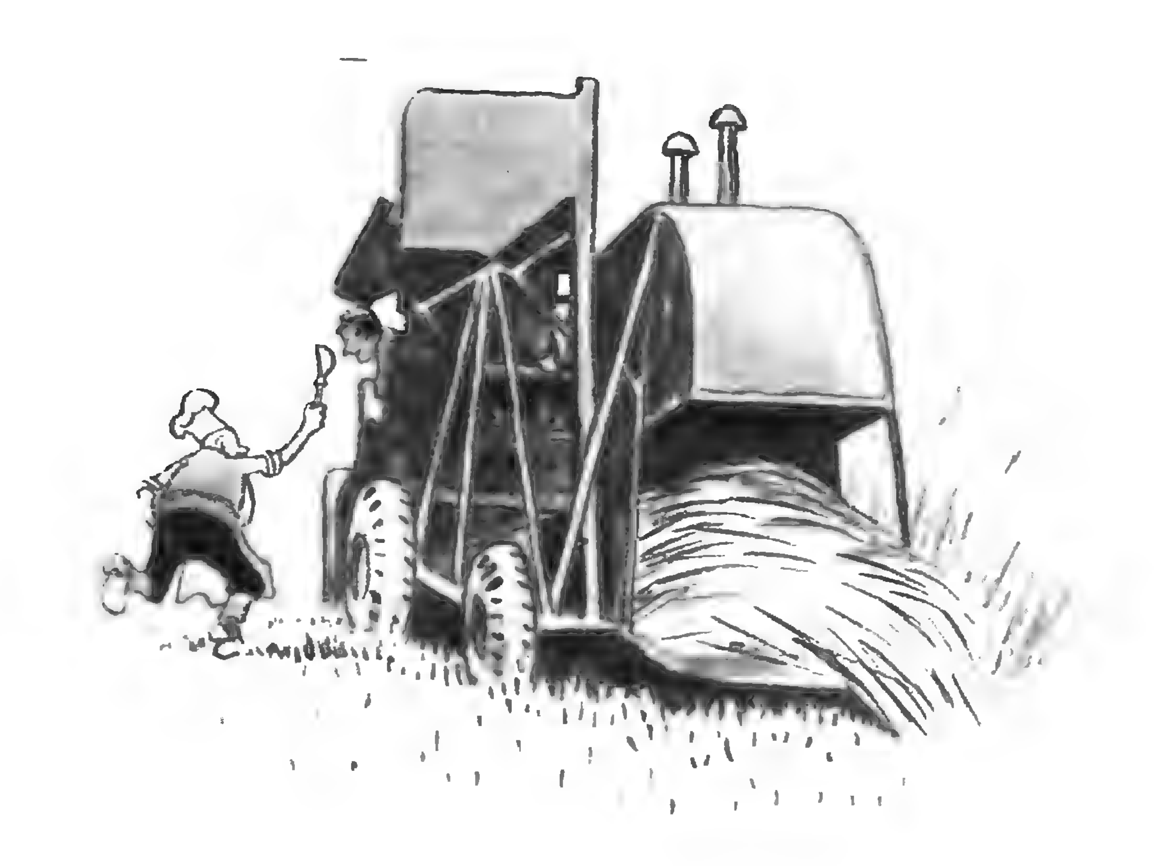
— Я в горкоме была, — сообщает Наташа.

— Где ты была?..

— В горкоме, — сонным голосом повторяет Наташа,— я там сказку рассказывала. Мне еще велели приходить...

Тетя Нина удивленно поднимает брови, книга выскальзывает у нее из рук.

Наташа этого не видит. Она уже спит.

ЛОЖКА

Юрий **ШАМШУРИН**

Рисунки Е. Ведерникова.

Директор МТС, коротконогий толстяк с круглой, как шар, бритой головой и висячими казацкими усами, одной рукой отмахивался от назойливой мухи, другой плотно прижимал к уху телефонную трубку.

— До обеда десять гектаров убрал? Не гарно! А Барадуля сколько? Очень гарно... Что, что? — переспросил он и раскатисто захохотал. — Без оружия остался!.. Ха-ха-ха!.. Ладно, через часик мы в твою бригаду завернем.

Повесив трубку, директор повернулся ко мне и опять рассмеялся.

— Петр Барадуля, комбайнер наш, ложку потерял. Не обедавши, говорят, работает... Значит, часика через полтора в бригады выезжаем,— сказал он своим мягким украинским говором.

Пользуясь свободной минутой, я зашел в магазин купить пачку папирос. Мой взгляд упал на столовые приборы, разложенные в витрине.

«Сытый голодного не разумеет»,— подумал я, вспомнив смех директора.

По моей просьбе продавец тщательно завернул нарезанный пластинками сыр, грудинку, две сдобы и алюминиевую ложку.

* * *

Остановив комбайн, Петр Барадуля бегло осмотрел мотор, заглянул в барабан, после чего направился к полевому стану. Оттуда через равные промежутки времени раздавался зычный голос старика Филата, исполнявшего обязанности повара.

Тут Барадуля и обнаружил, что ложки у него нет. Куда она девалась, неизвестно.

— Эх ты! — недружелюбно покосился на него повар. — Небось, на комбайне ни одного винтика не потеряешь, а в отношении себя такую оплошность допустил. Жди теперь, когда кто-нибудь отобедает.

Но ждать было некогда. На уборке хлеба дорога каждая минута.

«Не велика беда! — решил комбайнер. — В ужин двойную порцию съем. Ночью в деревню схожу, ложку раздобуду. Тут недалеко, километра два».

— Ты погоди! — крикнул вслед ему Филат. — Пообедай! Как голодный работать будешь?

Но Петр только махнул рукой.

— Ни за что на стане один не останется! — пробормотал старик и, подумав, добавил: — Известно, по часовому графику работают. Это не шутка!

С площадки комбайна открывался широкий вид. Под знойным ветерком клонилась спелая пшеница. Темные и светлые полосы бежали по ней, словно морские волны, к зеленеющему вдалеке лесу. Стояла хорошая погода, и нужно было спешить с уборкой.

— Дяденька! — услышал Барадуля звонкий детский голос. — Дяденька, погоди!

Оглянувшись, Петр увидел веснушчатого мальчугана в пионерском галстуке. Он размахивал белым свертком.

— Чего тебе? — не особенно приветливо спросил Барадуля.

— Мамка вот послала. Высокому комбайнеру, говорит, отдай, в пилотке который. Его, говорит, завсегда первым видно бывает.

— Спасибо тебе, малыш! — обрадовался Барадуля, спрятав подальше деревянную ложку, расписанную узорами.

В узелке оказались кусок сала, вареные яйца, бутылка молока и ломоть душистого ржаного хлеба.

— Хочешь на комбайне покататься?

— Некогда, — солидно ответил пионер. — Делом занят. Здесь недалече, где жатками убирали, наша дружина колоски убирать пришла.

«Есть же на свете добрые люди!» — подумал комбайнер, взявшись за штурвал.

Через некоторое время он заметил всадника.

— Никак колхозный бригадир едет! — насторожился Барадуля. — Все жнивье опять облазит, потери искать будет. Не найдет!

Привязав коня, бригадир полеводческой бригады колхоза «Ок-

тябрь» Аммосов взобрался на площадку комбайна.

— Ну и духота! — вместо приветствия произнес он, тяжело отдуваясь.

Окинув оценивающим взглядом убранный участок, Аммосов удовлетворенно сказал:

— Похоже, завтра закончим этот клин.

— Не похоже, а точно! — поправил его комбайнер.

— Мне сказали, с тобой несчастье приключилось: ложку потерял?

— Был такой грех.

— На, ешь на здоровье!

Бригадир протянул Барадуле ложку из нержавеющей стали.

— Специально крюк до лавки сделал. Тоже торгаши! — осуждающе вздохнул он.— Кроме консервов, ничего подходящего нет... Замори червячка!

Он протянул Барадуле банку леща в томатном соусе и связку баранок.

— Ну, я дальше. Посмотрю, как самоскиды работают.

...— Экий ты, право, беззаботный! — укоризненно произнес председатель колхоза. — Ложку ухитрился потерять! Анекдот, прямо анекдот!.. Возьми! — Он извлек из широченных галифе видавшую виды оловянную ложку. — До сельпо не успел добраться и дома не был. На ферме у доярок выпросил. Завтра новую привезу. А это телятницы тебе просили доставить... Вареники в сметане. Умучился, пока довез!

Комбайнер раскрыл было рот, но председатель замахал на него обеими руками:

— Молчи, молчи! Не за что спасибо говорить. Кабы не девчата, до вечера бы голодный работал!

...— Петро, кричи ура! — соскочил с мотоцикла бригадир трак-

торной бригады Желваков. — Ты снова с ложкой. Штамповка — первый сорт. Шпроты в масле — пальчики оближешь. Лови!.. У тебя все в порядке? Спешу к Оснокину. У него зажигание шалить что-то начало.

— Да я... — заикнулся было комбайнер.

Но Желваков дал полный газ, только его и видели. Когда агрегат остановился на заправку, подвозчик горючего, одноногий Федотыч, поглаживая окладистую бороду, с достоинством говорил Барадуле:

— Ложка, браток, — первое дело и для матроса и для комбайнера. Когда я служил на «Стремительном», у нас один морячок тоже в такое неудобное положение попал. А в море ложку где найдешь, кругом вода!.. Держи, братишка, с той, германской, войны еще сохранилась, историческая, так сказать... А это старуха наказала в самые твои руки передать. Вчера с реки, рыбка свеженькая. Помидоры и огурцы, однако, помялись. Не обессудь уж!

Когда солнце коснулось края горизонта, около комбайна появился улыбающийся Филат. С опаской поглядывая на мотовило, он хотел взобраться к Барадуле, на ходу побоялся и закричал:

— Потише езжай! Уважать старость надо. Я тебе не козел на препятствия разные прыгать!

Свой разговор повар начал издалека:

— Не мастер я, но когда-то, в детстве, помогал родителю своему по плотницкому ремеслу. Человек ты работящий, колхозники крепко уважают тебя... Не взыщи, как сумел, так и сделал!

И он протянул Барадуле свежеобструганную большую ложку, пахнущую березой.

— А это преснушки, специально испек. Нету мне спокоя, когда человек голодный работает... Медком сдобрены. Тепленькие еще!

...Плавно покачиваясь на неровностях, «газик» шел прямо по стерне. Как обычно, директор МТС деловито справился о работе комбайна, проверил, не высоко ли поднят хедер, покопался в соломе, выискивая непромолоченные зерна. Потом он таинственным жестом поманил Барадулю за комбайн.

— Ложку ухитрился посеять? — свирепым шепотом спросил он.

Комбайнер хотел было что-то ответить, но директор с удивительной для его полноты быстротой извлек из пиджака массивную серебряную ложку и сунул ее в карман Петра. Ткнув указательным пальцем в грудь комбайнера, он предупреждающе заметил:

— Только молчок! Жене ни-ни!.. Перекуси вот!

И он, сурово насупившись, передал Петру измятый пакет с бутербродами. Возвысив голос, будто они вели деловой разговор, директор строго спросил:

— Смена без опоздания является? То-то!..

...«Газик» что-то закапризничал. Шофер, высунув из-под мотора взлохмаченную голову, авторитетно заявил, что через полчаса можно будет двигаться дальше. Мы пошли на полевой стан, куда только что приехали бригадир и председатель колхоза.

— С нами ужинать! — пригласил Филат. — Колхозной каши с маслом отведать. Мисок и ложек, правда, маловато, ну да ничего! В тесноте, да не в обиде!

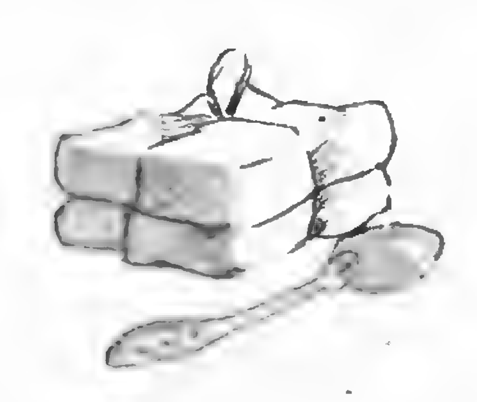
— Насчет посуды не знаю, а ложек, кажется, на всех хватит,— вмешался в разговор Барадуля, чем-то позвякивая в кармане и загадочно ухмыляясь. — И к каше кое-что будет!..

...Разглядев, что его ложка оказалась самой неказистой, председатель торопливо протянул руку и невинно произнес:

— Я, однако, этой есть буду. Люблю оловянные ложки!

Одной ложки все же не хватало. Воспользовавшись этим, я заявил, что всегда вожу с собой ложку на всякий случай, и среди наступившего молчания торжественно помахал алюминиевой ложкой.

Сыр, грудинка и сдоба под грохочущий смех всех собравшихся пошли в общий котел.

О. РУБЦОВА — ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА ТУРНИРА ПРЕТЕНДЕНТОК

Финиш из четырех туров оказался достаточно длинной дистанцией, чтобы зрители могли как следует поволноваться, а участницы соревнования — представительницы 12 стран — основательно попортить друг другу и шансы и нервы.

Но вот уже почти все позади. Последний тур. Кто же будет победительницей турнира? Практические шансы имеют теперь только Л. Вольперт и О. Рубцова.

Чемпионка страны играет с С. Бодо де Мосчини, которая занимает одно из последних мест. На 16-м ходу Л. Вольперт делает внешне очень сильный ход, и победа кажется близка. Однако находящийся среди зрителей гроссмейстер Д. Бронштейн первым замечает, что у аргентинки есть красивая, скрытая возможность защиты. Надо отдать должное С. Бодо де Мосчини, что и она увидела то, чего не заметили многие находящиеся в зале мастера и гроссмейстеры. Л. Вольперт через несколько ходов вынуждена была согласиться на ничью.

После этого судьбу соревнования решала партия А. Иванова — О. Рубцова. Болгарка попала в цейтнот и под сильнейшую атаку москвички, которая и выиграла эту важнейшую партию. О. Рубцова получила право участвовать в будущем году в тройном матче на звание чемпионки мира вместе с Е. Быковой и Л. Руденко.

Ольга Рубцова в 1927 году была первой чемпионкой Советского Союза, а в дальнейшем завоевывала это звание еще пять раз. Лишь на пол-очка отстала от победительницы чемпионка страны Л. Вольперт, не проигравшая в этом турнире ни одной партии.

А. Иванова первая поздравляет О. Рубцову с победой в турнире.

Фото А. Бочинина.

Сало ФЛОР

Рабочий день Гриши Пронина

Фото С. ФРИДЛЯНДА, стихи Людмилы ЗУБКОВОЙ

1

←

В форточку ворвался гомон улиц
И осенний запах ветерка.
В теплом доме все давно
проснулись,
Только Гриша спит еще пока...

⋆ ⋆ ⋆

Майка разбудить мальчишку рада:
Человеку на работу надо!

2

→

Воробьи чирикают на крышах,
Где-то репродукторы поют...
И шагает деловито Гриша
На работу важную свою.

Как не задержаться возле стаи
Говорливых сизых голубей!
И глаза у Гриши сразу стали
Чуточку круглей и голубей.

3

Над веселым двориком и садом
Голоса задорные звенят.
Ранний час,
но в сборе вся бригада,
Гриша бригадиром у ребят.

4

←

За лопату взялся он
с охотой,
Роет землю лихо, горячо,—
Он «сельскохозяйственной
работой»
Сильно и надолго увлечен.

5

Ну, а грабли просто
нарасхват:
Ведь они одни на всех
ребят!

←

6

←
Хорошо с Никитой побороться
В перерыве между трудных дел.
Только хлястик может отпороться
И рукав едва ли будет цел...

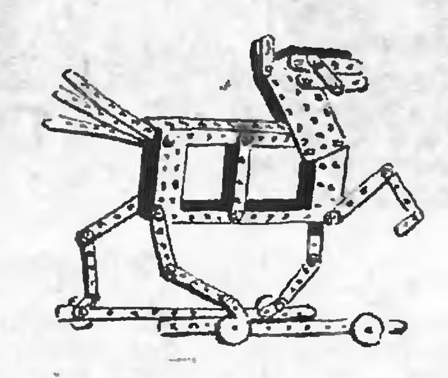
7

Вот у Гриши новая забота,
Он глядит, вздыхая глубоко:
Сложновата женская работа,
Овладеть мужчине нелегко.

8

←
Ну, а тут он рад блеснуть
уменьем,
И ему приятно самому,
Что Маринка смотрит
с уваженьем
И слегка завидует ему.

9

А теперь рисует он слоненка—
За такой рисунок все отдашь!..
В том, что слон походит
на котенка,
Виноват немножко карандаш... ↓

10

За окном чуть слышно город дышит,
Блещут звезды в сонной вышине...
Интересно,
что приснилось Грише?
Вот узнать бы,
кем он был во сне!

Вьетнамский слон на улицах Варшавы

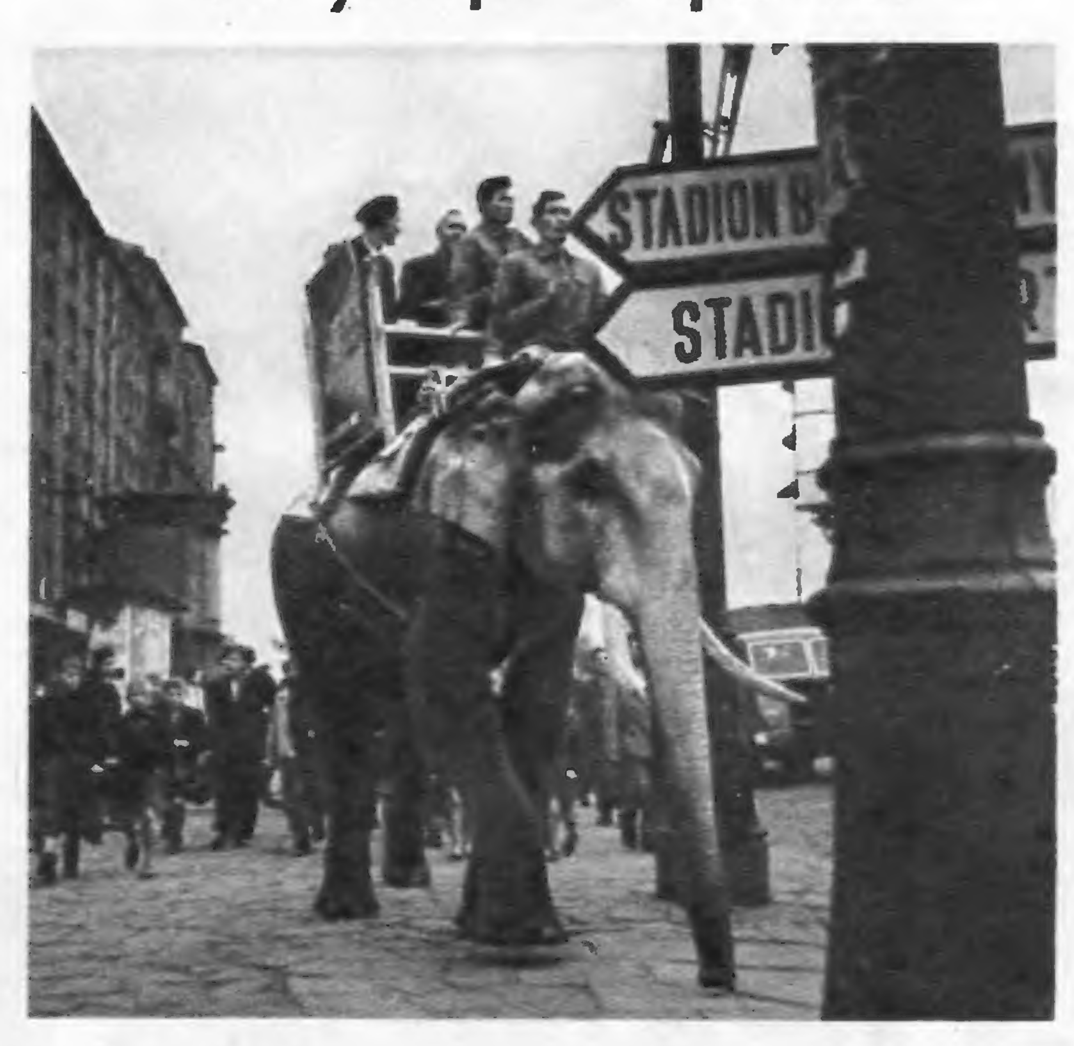

Фото Здислава Вдовинского.

В последнее время на улицах Варшавы нередко можно встретить важно расхаживающего слона. Это совершенно исключительный слон: ему непременно нужно выходить в город, поскольку он в течение своей 45-летней жизни привык совершать длинные марши по вьетнамским джунглям и теперь просто не в состоянии жить без прогулок.

Слона зовут Партизан, и приехал он недавно в Польшу на палубе корабля «Килинский». Моряки «Килинского» после прекращения огня в Индокитае помогали вьетнамскому народу в репатриации с Юга на Север. В знак благодарности польские моряки получили от вьетнамцев много подарков и в том числе слона Партизана, переданного Варшавскому зоопарку. Имя это дано не без основания: слон принимал участие в освободительной борьбе вьетнамского народа — перевозил тяжести.

Длительное путешествие по морям Партизан перенес хорошо, только немного нервничал во время шторма. Из Гдыни в Варшаву слона везли в огромной клетке, установленной на автомобильной платформе. Польские дети во всех городах и селах восторженно встречали Партизана и угощали его капустой. Слона сопровождают два его друга — вьетнамские партизаны,— которые останутся в Польше, пока Партизан не привыкнет к новому погонщику.

В Варшаве слону дали дополнительное имя — Ясь — и начали выпускать на улицы. Но первая прогулка была очень короткой: Ясь-Партизан нервничал в большом городе. На слона водрузили большое сиденье на четырех человек, и он шел через Силезско-Домбровский мост, через Вислу, пугаясь трамваев и автомобилей. Варшавские шоферы не могли преодолеть любопытства и вереницей тянулись за слоном или рядом с ним, приводя Партизана в замешательство. Директор зоопарка, который сопровождал эту своеобразную кавалькаду, напрасно упрашивал водителей машин, чтобы они обходили слона с левой стороны, как это положено при обгоне обычной автомашины, его не слушали...

Вторая прогулка Яся-Партизана была более удачной. Слон отправился на окраину города и чувствовал себя так свободно, что на обратном пути выбил хоботом выставочную витрину в редакции газеты «Экспресс вечорны», пытаясь нанести ей визит.

В настоящее время слон часто выходит в город, но теперь прогулки заканчиваются без всяких приключений.

Ирена ЯНОВСКАЯ

Варшава.

ЗЕМЛЯНИКА В ОКТЯБРЕ

Больше десяти лет я занимаюсь на своем приусадебном участке на окраине Москвы культурой мелкоплодной земляники, типа обычной лесной.

В результате систематического отбора и создания благоприятных условий для роста земляники (каждые две недели поливка раствором коровяка, рыхление и т. д.) удалось довести вес ягоды с 1,5 грамма (о чем сообщалось в журнале три года назад) до 4—5 граммов. За сезон при хорошем уходе с одного куста удавалось получить до килограмма ягод.

Земляника, названная мною «Пионеркой», прекрасно зимует и плодоносит от снега до снега едва ли не во всех районах Советского Союза. Размножается растение семенами и начинает плодоносить в год посева.

Участник ВСХВ В. ВУШКАН

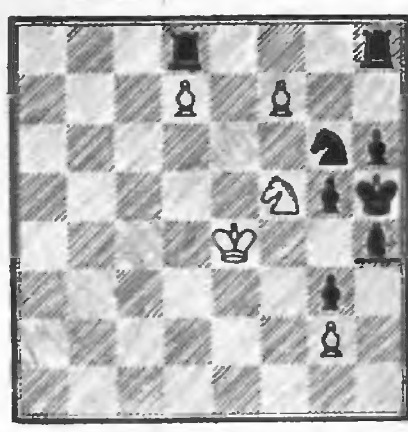

ШАХМАТЫ

ЭТЮДЫ-ШУТКИ

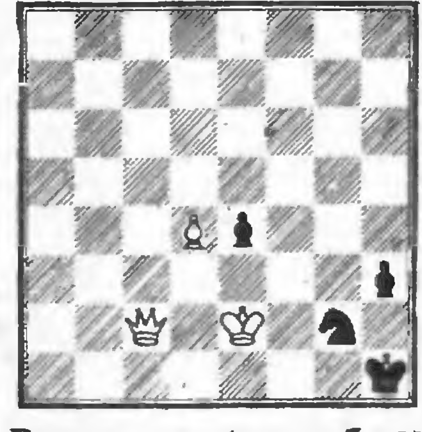
Георгия Мушеля (Ташкент)

ГЕРОИЧЕСКИЙ КОНЬ

Белый конь объявляет мат черному королю на 5-м ходу

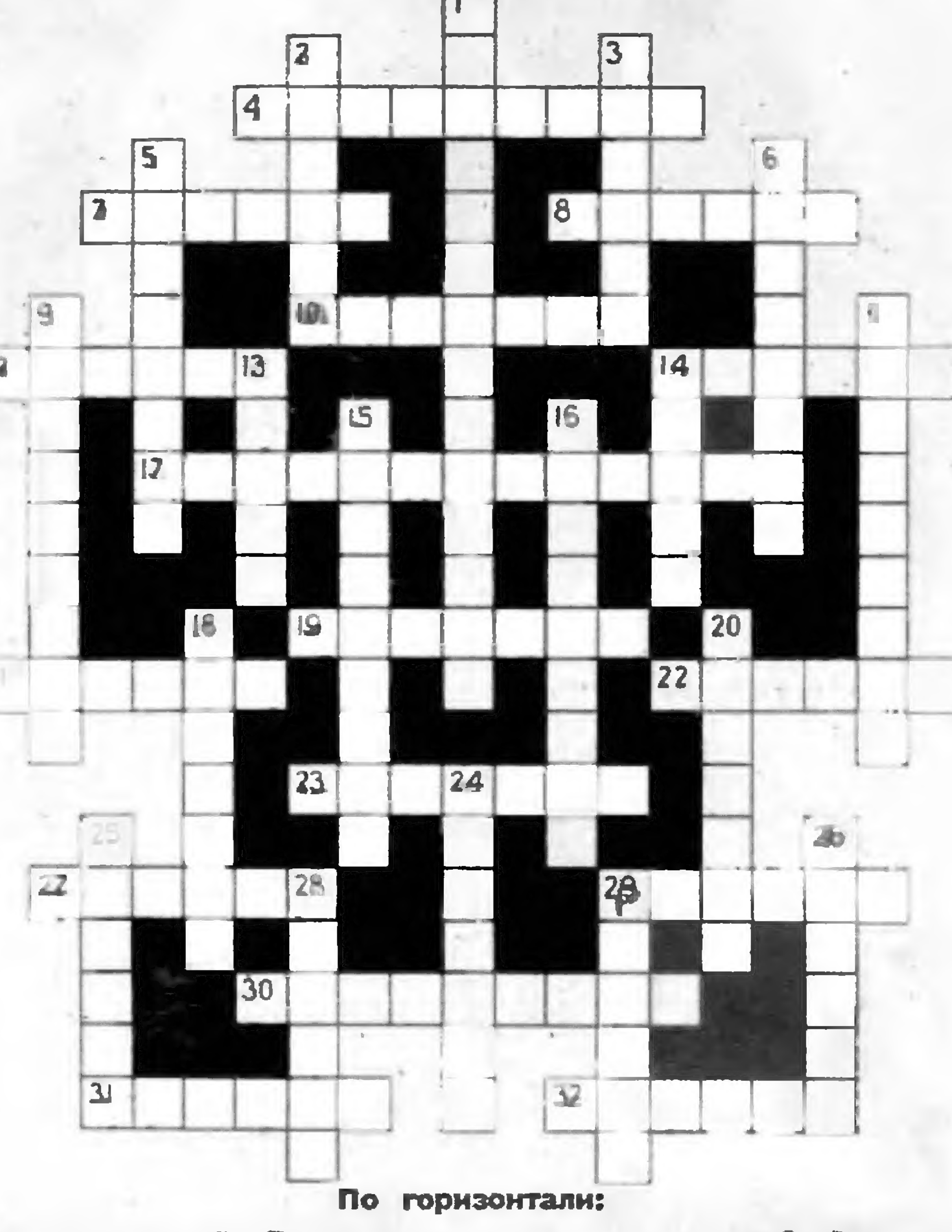
НЕОЖИДАННЫЙ ВЫИГРЫШ

В этом положении белыми уже сделан ход, дающий выигрыш черным в 3 хода! Какой ход сделан белыми? Найдите выигрыш за черных.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Н. В. Денисова «В. И. Ленин», П. П. Соколова-Скаля «Штурм Зимнего дворца», В. А. Серова «В. И. Ленин провозглашает советскую власть» и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город-герой. 7. Высшая степень, расцвет. 8. Команда самолета, корабля, танка. 10. Заключительная торжественная картина спектакля. 12. Спортсмен. 14. Приспособление для подачи угля в топку паровоза. 17. Ученый. 19. Оптический прибор. 21. Здание. 22. Солдат в пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем». 23. Общепризнанный деятель науки, искусства, литературы. 27. Вид путешествий. 29. Высший показатель. 30. Советская спортсменка — рекордсменка мира. 31. Участник хореографического коллектива. 32. Удовольствие, радость.

По вертикали:

1. Мощный ускоритель заряженных частиц. 2. Город в Швейцарии. 3. Горная страна на юге СССР. 5. Советский гроссмейстер. 6. Простор. 9. Обилие материальных ценностей. 11. Объединение государств. 13. Породистая лошадь. 14. Собрание представителей. 15. Смотр искусств. 16. Искусственный спутник Земли. 18. Наличие выдающихся свойств, внушающих преклонение, уважение. 20. Город на Днепре. 24. Твердый сплав. 25. Строфа стихотворения. 26. Взаимная привязанность. 28. Рядовой флота. 29. Летательный аппарат.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

5. Петрозаводск. 8. Лава. 9. Шарада. 10. Алеш. 15. Лада. 16. Дождевание. 17. Туер. 18. Салоники. 19. Вездеход. 20. Хабанера. 21. Макропод. 24. Море. 25. Экспозиция. 26. Очки. 27. Ринг. 29. Элегия. 30. Бриз. 31. Карикатурист.

По вертикали:

1. Вега. 2. Кокарда. 3. Квадрат. 4. Уста. 6. Сахароварение. 7. Рентгенология. 11. Карабанов. 12. Подкормка. 13. Минералит. 14. Велогонка. 22. Шпилька. 23. Минимум. 28. Граб. 30. Бусы.

Изошутка В. Чижикова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05647. Подп. к печ. 1/XI 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд № 874. Заказ 2724. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В шутку и всерьез...

На туристских маршрутах.

— Марс, Лунная, 6.

— К нам на полюс доставили свежие овощи.

— Я заготовил топлива на целый месяц.

— А я — на целый год.

— Одну минуточку, сейчас всех обеспечу инструментом...

Рисунки Ю. Черепанова.

Цена номера 3 руб.

